

Мелкие боги

Автор:

[Терри Пратчетт](#)

Мелкие боги

Терри Пратчетт

Плоский мир

Эта история произошла давным-давно, когда по пустыне еще бродили говорящие кусты и разговаривали со случайными прохожими (человек, который имеет привычку гулять по пустыне, ничуть не удивится, если с ним вдруг заговорит ящерица, булыжник, а тем более куст).

Именно тогда церковь Великого Бога Ома ждала пришествия очередного пророка, который вот-вот должен был явиться, поскольку пророки – весьма обязательные люди и четко следуют установленному расписанию. Именно тогда юный послушник по имени Брута обнаружил в саду маленькую черепашку, которая на поверку оказалась тем самым Великим Богом Омом... А вообще, эта история про черепах и орлов, а также про то, почему черепахи не умеют летать.

Терри Пратчетт

Мелкие боги

Давайте рассмотрим черепаху и орла.

Черепаха – существо, живущее на земле. Ближе к земле жить невозможно, если, конечно, не закопаться в нее. Черепашки горизонты ограничены несколькими дюймами, а скорость передвижения вполне достаточна, чтобы догнать лист салата. Пока вся эволюция мчалась вперед, черепаха выжила за счет того, что

не представляла ни для кого практически никакой угрозы, в то время как съесть ее было достаточно трудно.

Ну а орел? Это существо неба и горных вершин, поле зрения которого простирается до самого края мира. Зрение орла настолько остро, что он с полумили замечает шевеление мелкого писклявого существа. Абсолютная сила, абсолютный контроль. Молниеносная смерть на крыльях. Острые когти и клюв позволяют съесть все, что меньше размером, и урвать кусок того, что размером побольше.

Тем не менее орел часами сидит на скале и обзореваает свои владения, пока не заметит движение вдаль и не начнет концентрировать, концентрировать, концентрировать свой взгляд на маленьком панцире, движущемся по пустыне. Вот он взлетает...

И буквально через минуту черепаха чувствует, как мир ее куда-то падает. А потом она видит все тот же мир, но не в дюйме от носа, а с высоты пяти тысяч футов и думает: «Надо же, какого замечательного друга приобрела я в лице орла».

А затем орел ее отпускает.

И почти всегда черепаха падает на землю. Каждый знает, почему черепаха падает. Сила тяжести – это привычка, от которой трудно отказаться. Но никто не знает, почему так поступает орел. Черепаха – не самый плохой ужин, но, если учитывать все приложенные усилия, практически любая другая еда может показаться не менее вкусной. Скорее всего, орлы просто получают удовольствие от мучений черепахи.

Чего орел не осознает, так это того, что на самом деле он является активным участником грубого естественного отбора.

Когда-нибудь черепаха научится летать.

Эта история произошла в пустыне янтарного и оранжевого цвета. Когда она началась и закончилась, сказать проблематично, но по крайней мере одно из ее

начал состоялось в тысячах миль от той пустыни – высоко-высоко в горах, что раскинулись вокруг Пупа[1 - Который приверженцы омнианства упорно называют Полюсом.].

Одним из насущных философских вопросов является следующий:

«Предположим, в лесу падает дерево, так производит ли оно шум, если его никто не слышит?»

Сама постановка вопроса немало говорит о природе философов, ведь в лесу всегда кто-нибудь есть. Это может быть барсук, недоумевающий, что это там так затрещало, или белка, несколько удивленная тем, что весь пейзаж вдруг перевернулся вверх ногами. В общем, обязательно кто-нибудь да есть. А если дело происходит в самой чаще, то шум рухнувшего дерева услышат миллионы мелких богов.

События происходят, одно за другим. Им совершенно все равно, кто о них что знает. Но вот история... с историей дело обстоит по-другому. История требует наблюдения, в противном случае она перестает быть историей и становится... э-э... становится событиями, происходящими одно за другим.

Кроме того, историей нужно управлять, в противном случае она может превратиться во что угодно. Потому что история, вопреки всяческим популярным теориям, – это прежде всего короли, даты и битвы. Все должно происходить в строго определенное время, что достаточно трудно. В объятый хаосом вселенной много чего случается не вовремя. Боевой конь генерала запросто может потерять подкову, кто-то не расслышит приказ, или курьера, перевозящего жизненно важное сообщение, перехватят по дороге грозные мужики с дубинами и денежными проблемами. А еще существуют всякие нелепые небылицы, которые паразитируют на древе истории и стараются изогнуть его по-своему.

Однако у истории есть свои опекуны.

Они живут... в общем-то, они живут где попало, но их духовный дом находится в скрытой от глаз долине, что затерялась в Овцепикских горах Плоского мира. В этой долине хранятся книги истории.

Исторические книги бывают разные. Есть такие, которые нашпигованы событиями прошлого, будто кляссеры марками. Но эти книги – другие. Из них происходит сама история. Всего здесь книг двадцать тысяч; каждая высотой десять футов, переплетена в свинец, а буквы на страницах настолько мелкие, что их можно разглядеть только через увеличительное стекло.

Есть такое выражение: «Как говорится...» Ну так вот, говорится это именно здесь.

Метафор на свете значительно меньше, чем принято полагать.

Каждый месяц аббат и два старших монаха спускаются в пещеру, где хранятся книги. Сначала это являлось обязанностью только верховного аббата, но потом ему навязали двух прислужников – после достойного сожаления происшествия с пятьдесят девятым аббатом, который, ставя по мелочи на исход разных событий, сделал порядка миллиона долларов, прежде чем его поймали за руку.

Кроме того, спускаться сюда одному небезопасно. Концентрированная История, хранящаяся здесь и бесшумно просачивающаяся отсюда в мир, может быть опасной. Время – тот же наркотик. Передоз времени – и вы покойник.

Четыреста девяносто третий аббат сложил на груди морщинистые руки и обратился к одному из своих самых старших монахов, которого звали Лю-Цзе. Чистый воздух и лишенная волнений жизнь в долине способствовали тому, что все монахи были старше некуда. Кроме того, когда работаешь с самим Временем, э-э... время летит незаметно.

– Страна называется Омнией, – сказал аббат. – И расположена она на Клатчском побережье.

– Я помню, – кивнул Лю-Цзе. – Паренек по имени Урн, да?

– События подлежат... тщательному наблюдению, – добавил аббат. – Возникли затруднения. Свобода воли, предопределение... торжество символов... поворотные точки истории... В общем, ты сам все знаешь.

– Не бывал в Омнии уже лет семьсот, – покачал головой Лю-Цзе. – Засушливая державка. Во всей стране и тонны плодородной почвы не наберется.

– Медлить нельзя, – напомнил аббат.

– Я возьму с собой горы, – сказал Лю-Цзе. – Климат там для них самый благоприятный.

А еще он взял с собой метлу и циновку. Служащие истории монахи никогда не увлекались частной собственностью, ибо понимали: большинство вещей через век или два безнадежно изнашиваются.

Путь до Омнии занял четыре года. Несколько раз пришлось останавливаться – чтобы понаблюдать за парочкой битв и одним заказным убийством, иначе они бы так и прошли случайными событиями.

Был год Причудливой Змеи, а это значило, что после Завета пророка Бездона прошло целых двести лет.

И миру вот-вот должен был явиться Восьмой Пророк.

Насчет таких вещей церковь Великого Бога Ома никогда не ошибалась. Пророки – крайне пунктуальные люди. По ним можно даже сверять календарь – правда, понадобился бы очень уж большой календарь.

Всякий раз, когда ожидается появление очередного пророка, церковь удваивает свои усилия, дабы выглядеть как можно более свято. Люди бегают, всюду царит суета – точь-в-точь как в большом концерне перед приходом ревизоров. Срочно были выработаны новые нормы набожности, и тех, чья набожность оставляла желать лучшего, без лишних раздумий предали смерти.

Все самые популярные религии очень внимательно следят за благочестием своих прихожан, и церковь Великого Бога Ома не исключение из правил. Верховные иерархи сделали заявления, что общество катится вниз быстрее, чем на чемпионате страны по санному спорту, что ересь должна быть вырвана с корнем, а также с рукой, ногой, глазом и языком и что настало время очиститься

от скверны.

Кровь всегда считалась крайне эффективным моющим средством.

И вот настала наконец пора Великому Богу Ом поговорить со Своим Избранным, коего Брутой именовали.

– Эй, ты!

Брута замер на полувзмахе мотыгой и огляделся.

– Что-что? – спросил он.

Стоял погожий весенний денек. Молитвенные мельницы весело вертелись под дующим с гор ветерком. Пчелы бесцельно кружились вокруг цветов фасоли и громко жужжали, чтобы произвести впечатление тяжелого труда. Высоко в небе парил орел.

Брута пожал плечами и снова занялся дынями.

И тогда Великий Бог Ом снова рек Бруте, Своему Избранному:

– Эй, ты!

Брута замялся – с ним разговаривал кто-то явно бестелесный. Вполне возможно, это был демон. Демоны... любимая тема брата Ньюрода, наставника юных послушников. Нечистые мысли и демоны. Одно вытекает из другого. Брута с тревогой подумал, что, наверное, его искушает демон.

Нужно проявить твердость и решительность. И повторить Девять Фундаментальных Афоризмов.

Но Великий Бог Ом еще раз рек Бруте, Избранному:

– Ты что, парень, совсем оглох?

Мотыга звякнула об иссушенную солнцем почву. Брута быстро развернулся. Были пчелы, был орел, в дальнем конце сада старый брат Лю-Цзе сонно ковырялся вилами в навозной куче. На стенах ободряюще кружились молитвенные мельницы.

Он сделал знак, которым пророк Ишкибль отгонял духов.

– Чур, чур меня, демон, – пробормотал он.

– Что ты вертишься? Слушай, давай просто поговорим. Я прямо у тебя за спиной.

Брута медленно обернулся. Сад был пуст.

Тут Брута не выдержал и удрал.

Многие истории начинались задолго до их начала, и повесть Бруты не исключение. Она началась за многие тысячи лет до того, как он появился на свет.

В мире существуют миллиарды и миллиарды богов. Их тут как сельдей в бочке. Причем многие из богов настолько малы, что невооруженным глазом их ни в жизнь не разглядишь, – таким богам никто не поклоняется, разве что бактерии, которые никогда не возносят молитв, но и особых чудес тоже не требуют.

Это мелкие боги – духи перекрестка, на котором сходятся две муравьиные тропки, или божки микроклимата, повелевающие погодой между корешками травы. Многие из мелких богов остаются таковыми навсегда.

Потому что им не хватает веры.

Но некоторые делают весьма успешную карьеру. Помощь может прийти буквально отовсюду. Пастух находит в зарослях шиповника потерянного ягненка и, не пожалев пары минут, строит пирамидку из камней, чтобы поблагодарить духов, которые там обитают. Или какой-нибудь корень причудливой формы люди ни с того ни с сего начинают связывать с исцелением от болезней. Или кто-то

вырезает спираль на большом валуне.

Богам нужна вера, а людям нужны боги.

Иногда этим все и ограничивается, но иногда идет дальше. Добавляются камни, возводятся купола, на том месте, где некогда росло дерево, строится храм. Бог набирает силу, а людская вера толкает его вверх, как тысяча тонн ракетного топлива. Для некоторых только небо – предел.

А кое-кого даже небо не остановит.

Брат Ньюрод усиленно боролся с нечистыми мыслями в уединении своей строгой кельи, когда из опочивальни послушников до него донесся чей-то пылкий голос.

Мальчик Брута дрожал и бормотал отрывки молитвы, распростершись лицом вниз перед статуей Ома в Его высочайшем проявлении в виде молнии.

«В этом пареньке всегда было что-то жутковатое, – подумал Ньюрод. – Когда ты что-нибудь говоришь ему, он смотрит на тебя так, будто действительно слушает...»

Ньюрод подошел и ткнул распростертого юношу концом посоха.

– Встань, мальчик! Что ты делаешь в опочивальне посреди дня? Гм-м?

Брута мигом развернулся, и в лодыжки жреца впились мальчишечьи пальцы.

– Голос! Голос! Я слышал голос! – взвыл паренек.

Ньюрод облегченно вздохнул. Тема была знакомой. Голоса – это епархия Ньюрода. Он слышал их постоянно.

– Встань, мальчик, – повторил он чуть более ласково.

Брута поднялся на ноги.

Нюмрод поморщился. Эх, лет бы на десять помладше. Слишком паренек большой для послушника. Сам Нюмрод всегда говорил: «Дайте мне мальчика лет семи...» И так далее.

Будущее у паренька незавидное. Так и помрет послушником. Правила строгие и никаких исключений никому не делают.

Брута поднял свое большое покрасневшее честное лицо.

– Сядь на кровать, Брута, – велел Нюмрод.

Брута немедленно повиновался. Паренек не знал значения слова «неповиновение». Это слово было одним из многих, значения которых он не знал.

Нюмрод опустился рядом.

– Итак, Брута, – тихо произнес он, – тебе известно, что происходит с людьми, которые говорят неправду?

Брута кивнул и покраснел еще больше.

– Очень хорошо, а теперь расскажи мне про голоса.

Брута нервно мям в руках край рясы.

– Скорее, это был один голос, учитель.

– Один голос... – повторил брат Нюмрод. – И что этот голос говорил? Гм-м?

Брута замялся. Если задуматься, ничего особенного голос не сказал. Просто говорил, и все. А вот общаться с братом Нюмродом было непросто: у наставника имелась неприятная привычка прищурившись смотреть на ваши губы и постоянно повторять несколько последних сказанных вами слов.

К тому же брат Ньюрод постоянно что-то трогал – стены, мебель, людей, – как будто боялся, что вселенная пропадет, если он перестанет за нее держаться. А еще у него было такое количество нервных тиков, что им приходилось выстраиваться в длинные очереди. Хотя для человека, прожившего в Цитадели целых пятьдесят лет, брат Ньюрод был не так уж плох.

– Ну... – начал Брута.

Брат Ньюрод поднял костлявую руку. Брута увидел на ней синеватые вены.

– Надеюсь, ты знаешь, что каждый верующий может слышать голоса двух типов? – осведомился наставник.

Одна бровь у него задергалась.

– Да, учитель, брат Мурдак рассказывал нам об этом, – смиренно признал Брута.

– Рассказывал вам об этом... Да. Иногда Он со свойственной Ему безграничной мудростью Господа выбирает человека и разговаривает с ним. Позднее этот человек становится пророком, – кивнул Ньюрод. – Хотелось бы надеяться, что ты в пророки не метишь. Гм-м?

– Нет, учитель.

– Нет, учитель... Но есть и другие голоса, – продолжал брат Ньюрод с некоторой дрожью. – Обманчивые, льстивые, убедительные... Голоса, которые вечно пытаются заставить нас врасплох.

Брута несколько успокоился. Эта тема была более привычной.

О голосах такого типа знали все послушники. Правда, обычно эти голоса нашептывали о достаточно незатейливых вещах – например, об общей привлекательности ночных манипуляций и крайней соблазнительности девичьих тел. Но голоса, которые обычно слышал брат Ньюрод, представляли собой настоящую ораторию. Некоторые послушники посмелее любили вызывать брата Ньюрода на откровенный разговор о голосах, называя эти беседы крайне познавательными. Когда брат Ньюрод особенно распалялся, в уголках его рта

появлялись беловатые капли слюны.

Брута стал внимательно слушать.

Брат Нюмрод был наставником, но не самым главным. Он всего-навсего приглядывал за небольшой группой послушников, в которую входил Брута. А были и другие наставники. Возможно, кто-нибудь в Цитадели знал, сколько наставников всего. Должен же быть человек, в обязанности которого входит знать все-превсе.

Цитадель занимала центр города Ком, расположившегося между пустынями Клатча и равниноджунглями Очудноземья. Она протянулась на многие мили, ее храмы, церкви, школы, опочивальни, сады и башни наползали друг на друга и вырастали друг из друга так, словно миллиарды трудоголиков-муравьев пытались одновременно построить бесчисленное множество муравейников.

На рассвете от дверей центрального храма ослепительным огнем отражалось солнце. Двери высотой в сто футов были выкованы из бронзы, и на них золотыми буквами в оправе из свинца были нанесены Заповеди. Всего Заповедей насчитывалось уже пятьсот двенадцать, и грядущий пророк, несомненно, должен был внести свою лепту.

Отраженное солнце освещало десятки тысяч истово верующих людей, трудившихся ради еще большего могущества Великого Бога Ома.

Вряд ли кто точно мог сказать, сколько верующих у Ома. Некоторые вещи достигают критических размеров. Но сенобиарх, он же верховный иам, был только один – это сомнению не подлежит. Плюс шесть архижрецов. И тридцать малых иамов. А еще сотни епископов, дьяконов, поддьяконов и просто жрецов. И послушников, как крыс в зерновом амбаре. И ремесленников, и скотоводов, и пыточных дел мастеров, и девственниц-весталок...

Одним словом, в Цитадели было место человеку любой профессии.

Даже мастерам задавать ненужные вопросы или проигрывать священные войны и тем отводилось соответствующее место – в печах непорочности или ямах

правосудия святой квизиции.

Место для каждого, и каждый на своем месте.

Солнце нещадно жгло храмовый сад.

Великий Бог Ом старался держаться в тени дынных листьев. Возможно, здесь он в безопасности, учитывая высокие стены и молитвенные башни, но осторожность никогда не помешает. Единожды ему повезло, не стоит еще раз испытывать судьбу.

Богу никто не молился, и в этом была его беда.

Сейчас он целеустремленно полз к старику, бросавшему лопатой навоз. Наконец он счел, что подобрался достаточно близко, чтобы быть услышанным.

И рек Великий Бог Ом:

- Эй, ты!

Никакого ответа. Ни малейшего намека на то, что бога услышали.

Тогда Ом вышел из себя и превратил Лю-Цзе в презренного червя, копошащегося в самой глубокой выгребной яме преисподней, - и разозлился еще больше, когда увидел, что старик по-прежнему мирно перекидывает лопатой навоз.

- Да заполнятся твои кости серой! Да возьмут тебя дьяволы бесконечности! - взревел бог.

Ничего особенного не произошло.

- Старый глухой козел, - пробормотал Великий Бог Ом.

Знать о Цитадели все-преле очень трудно, однако вполне возможно, что такой человек все же существовал. Всегда находится такой тип, который копит знания не потому, что ему нравится это занятие, а просто так, из жадности, подобно сороке, таскающей в гнездо все блестящее, или ручейникам, собирающим песчинки и веточки. И всегда найдется человек, который выполняет то, чем наотрез отказываются заниматься все прочие.

Третье, что бросалось в глаза при виде Ворбиса, – это рост. Ворбис был очень высоким – шесть с лишним футов, но вместе с тем настолько тощим, что казалось: какой-то ребенок сначала вылепил из глины нормального человечка, а потом раскатал его в трубочку.

Второе, что замечали в Ворбисе люди, – это глаза. Предками Ворбиса были члены пустынного племени, которые выработали особый метод затемнения глаз, причем не только зрачков, но почти всего глаза. Определить, куда он смотрит, было крайне трудно. Словно он вставил солнечные очки в само глазное яблоко.

Однако прежде всего внимание привлекал его череп.

Дьякон Ворбис был намеренно лыс. Почти все служители церкви сразу после посвящения в сан начинали отращивать волосы и бороды, в которых потом легко можно было потерять козла. Тогда как Ворбис брился. Череп его всегда блестел. И странное дело, недостаток волос, казалось, только усиливал его власть. Он никогда не угрожал, не пугал. Просто Ворбис вызывал такое ощущение, что его личное пространство распространяется на семь метров вокруг и что каждый приблизившийся к нему вторгается туда, куда вторгаться не стоит. Даже жрецы, которые были старше Ворбиса не только по годам, но и по званию, принимались извиняться, если им случайно приходилось прервать его размышления – каковыми бы эти размышления ни были.

О чем думает Ворбис, догадаться было почти невозможно, да никто его об этом и не расспрашивал. И наипервейшей причиной подобного отсутствия любопытства был тот факт, что Ворбис являлся главой квинции и в обязанности его входило выполнять то, чем наотрез отказывались заниматься все прочие.

Таких людей не стоит спрашивать, о чем они думают, ведь они могут неторопливо повернуться и ответить: «О тебе».

Дьякон был в квизиции высшим званием, и правило это было введено сотни лет назад, чтобы данная ветвь церкви случайно не выросла из своих сапожков[2 - Безразмерного типа, сорт - с надежными затяжными винтами.]. Все говорили, что со своим-то умом Ворбис давно уже мог стать иамом или даже архиерецом.

Однако Ворбиса такие пустяки не интересовали. Он точно знал, что ему предназначено судьбой. Разве не сам Господь сказал ему об этом?

- Ну вот, - заключил брат Ньюрод, похлопывая Бруту по плечу. - Теперь, я полагаю, тебе все понятно.

Брута почувствовал, что от него ожидают какого-то ответа.

- Да, учитель, конечно.

- Конечно... Постоянно противостоять голосам - твоя святая обязанность, - промолвил Ньюрод, все еще похлопывая юношу по плечу.

- Да, учитель. Я так и буду поступать, особенно если они прикажут мне сделать то, о чем вы рассказывали.

- О чем я рассказывал... Хорошо. А если ты услышишь эти голоса снова, как ты поступишь? Гм-м?

- Приду и расскажу все вам, - покорно ответил Брута.

- Расскажешь мне... Прекрасно. Именно это я и хотел услышать, - кивнул Ньюрод. - Я всегда готов выслушать своих подопечных. И помни: я только буду рад помочь тебе решить твои маленькие, но столь насущные проблемы.

- Да, учитель. А можно мне сейчас вернуться в сад?

- В сад... Думаю, что можно. Но никаких голосов, ты понял? - Нахмутив брови, Ньюрод погрозил Бруте пальцем другой, не похлопывающей по плечу руки.

– Да, учитель.

– А чем ты занимаешься в саду?

– Окучиваю дыни, учитель.

– Дыни? А, дыни... – медленно произнес Нюмрод. – Дыни... Дыни... Это в некотором роде объясняет происходящее.

Его веко бешено задергалось.

С Ворбисом говорил не только Великий Бог. Рано или поздно эксковизитор любого разговорит. Все зависит от выносливости вашего организма.

Однако в нынешние деньки Ворбис не часто спускался в рабочие помещения, дабы понаблюдать за работой инквизиторов. В обязанности эксковизитора это не входит. Он просто диктовал указания и получал отчеты. Но иногда возникали особые обстоятельства, которые требовали его личного присутствия.

Необходимо сказать, что смеяться в подвалах квизиции особо не над чем. Если у вас нормальное чувство юмора. Там не развешаны всякие маленькие красочные плакатики с надписями типа: «Чтобы работать здесь, не обязательно быть безжалостным садистом, но это помогает!!!»

Однако некоторые вещи здесь явно намекали на то, что у Создателя было несколько извращенное чувство юмора.

Взять, к примеру, кружки. Дважды в день инквизиторы прерывали свою работу, чтобы попить кофе. Их кружки, которые были принесены из дома, стояли вокруг чайника у топки центральной печки, которая, как правило, использовалась для нагрева всяческих железных штырей и ножей.

И на всех кружках без исключения красовались надписи вроде: «Подарок из священного грота Урна» или «Лучшему папочке на свете». Причем большинство кружек были с отбитыми краями.

А на стене висели открытки. Согласно традиции, каждый уехавший в отпуск инквизитор посылал своим коллегам по работе грубо раскрашенную ксилографию местного пейзажа с какой-нибудь сомнительной шуткой на обороте. Рядом с открытками было пришпилено трогательное письмо от инквизитора первого класса Ишмаэля «Хлоп» Квума, в котором всем «ребятам» объявлялась благодарность за сбор целых семидесяти восьми серебряных оболмов в качестве пенсионного подарка и за подношение огромного букета цветов госпоже Квум. В постскриптуме Квум клятвенно заверял, что никогда не забудет дни, проведенные в подвале номер три, и всегда будет рад помочь, если возникнет нехватка специалистов.

Мораль: нормальный семейный человек, который каждый день ходит на работу и ответственно относится к своим обязанностям, мало чем отличается от самого чокнутого психопата.

И Ворбис это знал. Обладая подобным знанием, вы знаете о людях все, что необходимо.

Сейчас Ворбис сидел рядом со скамьей, на которой лежало легонько подрагивающее тело его бывшего секретаря, брата Сашо.

Он взглянул на дежурного инквизитора, и тот кивнул. Ворбис склонился над закованным в кандалы секретарем.

– Назови их имена, – повторил он.

– ...Я не-е...

– Мне известно, что ты передавал им копии моих писем, Сашо. Это вероломные еретики, которым уготована вечность в преисподней. Ты хочешь к ним присоединиться?

– ...Я не знаю их имен...

– Я верил тебе, Сашо, а ты шпионил за мной. Ты предал церковь.

– ...Не знаю...

- Правда избавляет от мучений, Сашо. Расскажи мне все.

- ...Правда...

Ворбис вздохнул, но тут вдруг заметил сгибающиеся и разгибающиеся пальцы Сашо. Они как бы подзывали его.

- Да?

Он склонился над телом еще ниже.

Сашо открыл оставшийся глаз.

- ...Правда в том...

- Да?

- ...Что все-таки Черепаха Двигается...

Ворбис выпрямился. Выражение его лица не изменилось. Оно никогда не менялось – если только он сам того не хотел. Инквизитор в ужасе смотрел на него.

- Понятно, – сказал Ворбис и кивнул инквизитору. – Как долго он уже здесь?

- Два дня, господин.

- И ты можешь продержаться его в живых...

- Возможно, еще два дня, господин.

- Так и поступи, так и поступи. В конце концов, наша прямая обязанность – как можно дольше бороться за человеческую жизнь. Верно?

Инквизитор нервно улыбнулся – так улыбаются в присутствии начальника, единственное слово которого может приковать вас к пыточной скамье.

- Э... Да, господин.

- Кругом ересь и ложь. - Ворбис вздохнул. - А теперь придется еще искать другого секретаря. Столько беспокойств...

Минут через двадцать Брута успокоился. Мелодичные голоса сладострастных соблазнительей куда-то пропали.

Он продолжил обрабатывать дыни. С дынями у него всегда ладилось. Они казались более понятными, чем многое другое.

- Эй, ты!

Брута выпрямился.

- Я не слышу тебя, грязный суккуб.

- Слышишь, мальчик, слышишь. Так вот, я хочу, чтобы ты сделал следующее...

- Я заткнул уши пальцами!

- Тебе к лицу. Очень похож на вазу. А теперь...

- Я напеваю песню! Напеваю песню!

Учитель музыки брат Прептиль как-то сказал, что голос Бруты напоминает крик разочарованного стервятника, слишком поздно прилетевшего к дохлому ослу. Хоровое пение было обязательным предметом для всех послушников, но после неоднократных прошений со стороны брата Прептиля Бруту освободили от этих занятий. Брута с раззявленным ртом - достаточно жуткое зрелище, но много хуже был голос юноши, который обладал достаточной мощностью и внутренней уверенностью, однако имел привычку блуждать по мелодии как попало, ни разу не попадая на правильные ноты.

Вместо пения Брута заработал дополнительные практические занятия по выращиванию дынь.

С одной из молитвенных пашен торопливо взлетела стая ворон.

Исполнив до конца «Он Топчет Неверных Раскаленными Железными Копытами», Брута вынул пальцы из ушей и прислушался.

Кроме удалявшегося раздраженного крика ворон, ничего слышно не было.

Получилось. Главное – верить в Господа, так ему говорили. И он всегда следовал этому совету. Сколько себя помнил.

Брута поднял мотыгу и, облегченно вздохнув, вернулся к своим дыням.

Лезвие мотыги уже готово было воткнуться в землю, когда Брута увидел черепаху.

Черепашка была маленькой, желтого цвета и вся покрытая пылью. Панцирь по краям обколот. У черепахи был всего один глаз-бусинка, второй же она, видимо, потеряла в результате одной из тысяч и тысяч опасностей, которые повсюду подстерегают медленно передвигающееся существо, живущее в дюйме от земли.

Брута огляделся. Сад по-прежнему находился внутри храмового комплекса и по-прежнему был обнесен стенами.

– Как ты сюда попало, маленькое существо? – спросил он. – Прилетело?

Черепаша подняла на него свой единственный глаз. Брута ощутил тоску по дому. В песчаных барханах рядом с его родным домом всегда водилось много черепах.

– Я могу угостить тебя салатом, – предложил Брута. – Но, по-моему, черепахам запрещено находиться в садах. Разве ты не вредитель?

Черепаша продолжала таращиться на него. Ни одно животное не способно смотреть так пристально, как черепаха.

Брута почувствовал себя обязанным что-то предпринять.

- А еще есть виноград. Вряд ли я совершу большой грех, если дам тебе одну ягодку. Хочешь винограда, а, маленькая черепашка?

- А ты хочешь стать презренным червем в самой глубокой яме хаоса?

Вороны, облепившие наружные стены, снова сорвались в воздух, услышав яростное исполнение «Безбожники Умирают В Муках».

Брута открыл глаза и вынул пальцы из ушей.

- Я все еще здесь, - сказала черепаха.

Брута растерялся. До него медленно доходило, что демоны и суккубы не превращаются в маленьких черепашек. В этом нет смысла. Даже брат Ньюрод согласился бы, что одноглазая черепашка - не самый лучший эротический образ.

- А я и не знал, что черепахи разговаривают, - наконец выдавил Брута.

- А они этого и не умеют, - ответила черепаха. - Ты на мои губы посмотри.

Брута пригляделся.

- Но у тебя нет губ, - заметил он.

- Ага. И голосовых связок тоже, - согласилась черепаха. - Мои слова возникают прямо в твоей голове.

- Вот те на!

- Понимаешь, на что я намекаю?

- Нет.

Черепаша закатила единственный глаз.

– Вот странно!.. Впрочем, неважно, я не собираюсь тратить время на всяких садовников. Приведи ко мне самого главного.

– Самого главного? – переспросил Брута и сунул палец в рот. – Ты имеешь в виду брата Ньюрода?

– А кто он такой?

– Наставник послушников.

– О Господи, то бишь Я! – воскликнула черепаха. – Нет, я не имею в виду наставника послушников, – терпеливо-напевно произнесла она. – Я имею в виду верховного жреца, или как там он себя называет. Полагаю, здесь таковой имеется?

Брута тупо кивнул.

– То есть верховный жрец у вас есть? – на всякий случай еще раз уточнила черепаха. – Тогда зови верховного жреца.

Брута снова кивнул. Он знал, что верховный жрец в Цитадели есть. Но если между собой и братом Ньюродом Брута еще представлял какое-то подобие иерархических отношений, то что касается иерархических отношений между послушником Брутой и сенобиархом... тут его фантазия начисто отказывала. Теоретически он понимал, что такой человек есть, догадывался о существовании огромной канонической лестницы с верховным жрецом на вершине и Брутой у самого подножия, но взирал он на эту лестницу с позиций амебы, решившей вдруг исследовать цепь эволюции между собой и, к примеру, главным бухгалтером. Тут речь шла не об одном и не о двух отсутствующих звеньях, звенья тут отсутствовали как класс.

– Но я же не могу пойти и попросить его... – начал было Брута, однако сама мысль о разговоре с сенобиархом заставила его в страхе замолкнуть. – Я же не могу пойти и попросить кого-то, чтобы он пошел и попросил верховного сенобиарха, чтобы тот пришел и поговорил с какой-то там черепахой!

- Поганая пиявка, гореть тебе в огне Страшного суда! - заорала черепаха.

- Ты чего ругаешься? - обиделся Брута.

Черепаха яростно запрыгала вверх-вниз.

- Это было не ругательство, а приказ! Я - Великий Бог Ом!

Брута в растерянности заморгал.

- Ну да... - наконец промолвил он. - Какой же ты Великий Бог? Великого Бога Ома я видел, - и он взмахнул рукой, добросовестно нарисовав знак священных рогов. - На черепаху он совсем не похож. Он способен принимать обличья орла, льва, ну или могучего быка. У Великого Храма есть его статуя. Высотой в семь локтей. Так вот, она вся из бронзы и топчет безбожников. А как черепаха может топтать безбожников? Что ты вообще можешь с ними сделать? Разве что многозначительно посмотреть на них. А еще у него рога из настоящего золота. В соседней деревне, рядом с той, где я жил раньше, тоже стояла статуя - только в виде быка и в один локоть высотой. Поэтому я знаю, вовсе ты не Великий Бог, - еще один знак священных рогов, - Ом.

Черепаха немного подуспокоилась.

- А сколько говорящих черепах ты видел? - осведомилась она с издевкой.

- Ну, не знаю...

- Как это, не знаю?

- Ну, наверное, они все могут разговаривать, - сказал Брута, наглядно демонстрируя особую логику, которая позволяла ему зарабатывать много-много дополнительных занятий по выращиванию дынь. - Просто ничего не говорят, пока я рядом.

- Я - Великий Бог Ом, - произнесла черепаха угрожающим и неизбежно низким голосом. - И если не хочешь вскоре стать крайне несчастным жрецом, беги быстрее и приведи его.

- Послушником, - поправила Брута.

- Что?

- Послушником, а не жрецом. И меня не пустят к...

- Немедленно приведи сюда своего верховного жреца!

- По-моему, сенобиарх еще ни разу не бывал в нашем огороде. Вряд ли он даже знает, что такое дыня.

- Детали меня не интересуют, - перебила черепаха. - Приведи его немедленно, иначе начнется землетрясение, луна станет кровавой, человечество охватят бешенство и малярия и прочие жуткие недуги будут насланы на вас всех. И я это серьезно.

- Ладно, ладно, посмотрим, что удастся сделать, - сказал Брута, отступая.

- И помни: в сложившихся обстоятельствах мной были проявлены невероятные рассудительность и терпение! - крикнула ему вслед черепаха. - Кстати, ты не так уж плохо поешь, - добавила она, немного подумав. - Слышали пение и похуже! - проорала она, когда грубая ряса Бруты уже исчезала в воротах. - Вот помню эпидемию чумы в Псевдополисе... - тихонько произнесла черепашка, когда шаги послушника совсем затихли. - Жуткий вой и скрежет зубовой. - Она вздохнула. - Великие времена! Великие дни!

Многие люди посвящают себя служению богу, потому что якобы чувствуют призвание, на самом же деле они слышат всего-навсего собственный внутренний голос: «Работа в тепле, тяжести таскать не надо - или хочешь быть пахарем, как твой отец?»

Но Брута не просто верил. Он действительно Верил. В обычной богобоязненной семье такая вера может вызвать достаточно серьезные затруднения, но у Бруты была только бабушка, и она тоже Верила. Верила точно так же, как железо верит в металл. Священнослужителей бабушка повергала в сущий ужас, поскольку знала все песнопения и все проповеди наизусть. В омнианские церкви

женщин пускали только из жалости – при условии, что они будут сидеть тихо в специальном зальчике за кафедрой и будут закутаны с ног до головы, дабы вид женской половины человечества, не дай бог, не вызвал в головах мужской половины голоса, похожие на те, что ни днем ни ночью не давали покоя брату Нюмроду. Только бабушка Бруты относилась к тем женщинам, которые способны пробиться сквозь самый прочный щит и самую ярую набожность с легкостью алмазного сверла.

Родись она мужчиной, омнианство обрело бы своего Восьмого Пророка значительно раньше, чем ожидалось. Но мужчиной она не родилась, а потому посвятила всю свою жизнь уборке храмов, полировке статуй и забиванию камнями заподозренных в прелюбодеянии женщин.

Таким образом, Брута вырос в атмосфере твердого и окончательного знания о Великом Боге Оме. Брута рос, понимая, что всевидящее око Господа постоянно следит за ним – особенно в таких местах, как туалет, – и что демоны атакуют его со всех сторон, а спасает от них только сила веры и вес бабушкиной трости, которая в тех редких случаях, когда не использовалась по назначению, стояла за дверью в прихожей. Брута знал наизусть все стихи из всех семи Книг Пророков, мог процитировать любую Заповедь на выбор. Он знал все Законы и все Песни. Особенно Законы.

Омниане были богобоязненными людьми.

Им было чего бояться.

Покои Ворбиса находились в верхней части Цитадели, хотя по сану он был обычным дьяконом. Однако никаких особых привилегий он себе не выпрашивал. Ему вообще редко приходилось просить. Он был избранником судьбы, а судьба заботится о своих избранных.

Периодически Ворбиса посещали некоторые из наиболее могущественных людей в церковной иерархии.

Конечно, шесть архижрецов и сам сенобиарх в их число не входили. Они не были столь важны или могущественны, просто находились на вершине. Обычно людей, которые действительно управляют организацией, можно найти

несколькими уровнями ниже, где еще остается возможность хоть чем-то управлять.

Быть другом Ворбиса почиталось за честь – в основном из-за уже упомянутого хода мыслей, который тонко намекает вам, что быть врагом Ворбиса вы не хотите.

И вот сейчас у Ворбиса сидели двое весьма важных «друзей». Это были генерал-иам Б'ей Реж, который, что бы там ни говорили официальные табели о рангах, командовал большей частью Божественного Легиона, и епископ Друна, секретарь Конгресса Иамов. Вы можете счесть, что никакой реальной власти должность секретаря не подразумевает, но вы никогда не вели протокол собрания глухих стариков.

Здесь же надо отметить, что в действительности ни один из этих двоих с Ворбисом сейчас не встречался. И ни о чем с эксквизитором не говорил. Эта встреча была именно такого типа. Много кто никогда не встречался с Ворбисом и ни о чем с ним не говорил. Кое-какие аббаты из далеких монастырей были недавно вызваны в Цитадель и тайно проделали путь продолжительностью в неделю по крайне пересеченной местности только для того, чтобы ни в коем случае не присоединиться к темным фигурам, посетившим комнату Ворбиса. За последние несколько месяцев у Ворбиса перебивало гостей не меньше, чем у Человека в Железной Маске.

Итак, присутствующие (или неприсутствующие) ни о чем не разговаривали. Но если бы они присутствовали здесь и у них состоялся разговор, то ход его был бы примерно следующим.

– А теперь, – сказал Ворбис, – обсудим Эфеб.

Епископ Друна пожал плечами[З - Или пожал бы. Если бы был там. Но его не было. Значит, плечами он не пожимал.].

– Несущественная проблема. Так, во всяком случае, говорят. Реальной угрозы нет.

Оба гостя посмотрели на Ворбиса. Понять, о чем думает Ворбис, было крайне трудно – даже после того, как он высказывал свои мысли вслух.

– Действительно? Мы в самом деле пришли к такому выводу? – спокойно осведомился Ворбис. Голос его звучал, как всегда, ровно и тихо. – Стало быть, никакой угрозы? И это после того, что произошло с бедным братом Мурдаком? А оскорбления, брошенные Ому? Такое нельзя прощать. Что предлагается сделать?

– Главное – никаких битв, – ответил Б'ей Реж. – Они дерутся как бешеные. Нет. Мы и так слишком много солдат потеряли.

– У них сильные боги, – заметил Друна.

– У них прекрасные лучники, – поправил его Б'ей Реж.

– Нет бога, кроме Ома, – сказал Ворбис. – Эти презренные эфебы поклоняются идолам и демонам. Об истинной вере здесь и речи не идет. Вы вот это видели?

Он передал им свиток.

– И что это? – осторожно спросил Б'ей Реж.

– Ложь. История, которой не существует и которая никогда не существовала. Это... – Ворбис замешкался, вспоминая нужное, но давно не используемое слово. – Это... это типа сказки, которую рассказывают маленьким детишкам... только здесь написаны слова, их произносят вслух и...

– А. Пьеса, – догадался Б'ей Реж.

Взгляд Ворбиса пригвоздил его к стене.

– Значит, ты в курсе подобных дел?

– Ну, я... как-то раз я ездил в Клатч и... – забормотал Б'ей Реж, ежась под огненным взглядом Ворбиса.

Опомнившись, генерал-иам взял себя в руки. Он водил в бой сотни тысяч солдат и ничем не заслужил такого обращения...

Правда, вскоре он осознал, что не может заставить себя поднять глаза и взглянуть Ворбису в лицо.

– Они танцуют танцы, – сломленно пояснил он. – В священные праздники. Женщины вешают колокольчики на свои... Поют песни. Все о древних временах, когда боги...

Генерал-иам окончательно увял.

– В общем, отвратительно, – закончил он и хрустнул суставами пальцев, что было явным признаком волнения.

– Здесь действуют их боги, – ткнул пальцем Ворбис. – Которых изображают люди в масках. Вы способны в это поверить? У них есть Бог Вина. Пьяный старик! И вы смеее утверждать, что Эфеб не представляет угрозы?! А вот это...

Он бросил на стол свиток потолще.

– Эта, как ее там, еще хуже. Сейчас эфебы поклоняются ложным богам, однако их ошибка состоит только в выборе богов, а не в поклонении. Но что последует за этим?

Друна осторожно изучил свиток.

– Думаю, есть и другие копии, – хмыкнул Ворбис. – Даже в Цитадели. Этот свиток принадлежал Сашо. Насколько я помню, это ты мне его рекомендовал, Б'ей Реж?

– Он производил впечатление умного и проницательного молодого человека, – ответил генерал-иам.

– Но крайне вероломного, – добавил Ворбис. – И его постигла заслуженная кара. Сожалеть стоит только о том, что мы так и не смогли склонить его назвать имена других еретиков.

Б'ей Реж едва удержался от вздоха облегчения. Его глаза встретились с глазами Ворбиса.

Тишину нарушил Друна.

– «Де Келониан Мобиле», – громко произнес он. – «Черепаша Двигается». Что бы это значило?

– Если я скажу, твоя душа рискует провести тысячу лет в преисподней, – откликнулся Ворбис.

Он сверлил взглядом Б'ей Режа, который, в свою очередь, упорно разглядывал стену.

– Я считаю, рискнуть стоит, – сказал Друна.

Ворбис пожал плечами.

– Написавший это заявляет, что мир путешествует через бездну на спинах четырех гигантских слонов, – сообщил он.

Друна удивленно открыл рот.

– На спинах слонов? – переспросил он.

– Именно так здесь и написано, – подтвердил Ворбис, не сводя глаз с Б'ей Режа.

– А на чем они стоят?

– Автор заявляет, что слоны стоят на панцире гигантской черепахи, – сказал Ворбис.

Друна нервно усмехнулся.

– А на чем тогда стоит черепаха?

– Не вижу смысла размышлять, на чем может стоять эта черепаха, – отрезал Ворбис, – потому что такого просто не может быть!

– Конечно, конечно, – быстро согласился Друна. – Обычное праздное любопытство, не более.

– Всякое любопытство есть праздность, – нравоучительно заметил Ворбис. – Ибо оно наводит разум на лишние, ненужные размышления. Тем не менее написавший это человек гуляет сейчас на свободе – в этом вашем Эфебе.

Друна взглянул на свиток.

– Здесь говорится, что он сел на корабль, который отвез его на остров на краю света, и там он якобы заглянул за...

– Враки, – равнодушно произнес Ворбис. – Впрочем, какая разница... Враки, не враки – не это важно. Истина внутри, а не снаружи. В словах Великого Бога Ома, произнесенных через избранных пророков. Наши глаза способны обманывать, а вот наш Господь – никогда.

– Но...

Ворбис взглянул на Б'ей Режа: генерал-иам обильно потел.

– Но? – поинтересовался он.

– Но... Эфеб. Страна безумцев, которые рожают всякие безумные идеи. Каждому это известно. Может, самым мудрым решением будет оставить их вариться в собственной глупости?

Ворбис покачал головой.

– К сожалению, – промолвил он, – дикие и неустойчивые мысли имеют разрушительную тенденцию распространяться и укореняться.

Б'ей Реж не мог не признать правдивость заключения Ворбиса. Он по собственному опыту знал, что правильные и очевидные мысли – такие, как несказанная мудрость и справедливость Великого Бога Ома, – кажутся многим людям настолько туманными, что этих неверующих приходится убивать, чтобы они осознали свою ошибку. В то время как опасные, расплывчатые и ошибочные

идеи вдруг обретают для некоторых такую привлекательность, – он задумчиво почесал шрам, – что эти фанатики предпочитают прятаться в горах и бросаться оттуда камнями. Даже когда их берут в осаду и морят голодом, они предпочитают умереть, но так и не увидеть здравый смысл.

Б'ей Реж разглядел этот здравый смысл еще в раннем возрасте. Как считал лично он, тот смысл здравый, который позволяет тебе остаться в живых.

– И что ты предлагаешь? – спросил он.

– Совет выразил желание вступить с Эфебом в переговоры, – сказал Друна. – Как вам известно, я отвечаю за организацию. Делегация выезжает завтра.

– Сколько легионеров? – поинтересовался Ворбис.

– Только охрана. Нам гарантировали безопасный проход, – ответил Б'ей Реж.

– Нам гарантировали безопасный проход... – повторил Ворбис. В его устах это прозвучало как длинное ругательство. – А после того как делегация окажется у них в стране?..

Б'ей Реж хотел было сказать, что разговаривал с командиром эфебского гарнизона и считает его человеком чести, хотя, конечно, этот эфеб не более чем жалкий безбожник, ниже самых распоследних презренных червей... но потом счел, что высказывать такую мысль Ворбису не совсем мудро.

И поэтому пообещал:

– Мы будем начеку.

– А можем мы застать их врасплох?

Б'ей Реж замялся.

– Мы?

– Отряд возглавлю я, – отозвался Ворбис. Генерал-иам и секретарь обменялись быстрыми взглядами. – Мне хотелось бы... на время оставить Цитадель. Сменить обстановку. Кроме того, мы должны дать понять эфебам, что они не заслуживают внимания высшего чина церкви. Я сейчас размышляю над такой возможностью – а что, если нас спровоцируют?

Б'ей Реж нервно щелкнул суставами, словно ударил хлыстом.

– Мы дали слово...

– Перемирие с неверующими невозможно, – перебил Ворбис.

– Но существуют практические соображения, – произнес Б'ей Реж настолько резко, насколько посмел. – Дворец в Эфебе представляет собой лабиринт. Уж я-то знаю. Там полно ловушек. Никто не может войти туда без провожатого.

– А как входит провожатый? – спросил Ворбис.

– Полагаю, он сам себя провожает, – ответил генерал-иам.

– Всегда есть другой путь. Это я знаю из личного опыта, – отрезал Ворбис. – В любое место всегда можно проникнуть другим путем. И Господь укажет его нам – в нужное время, можете быть уверены.

– Конечно, все значительно упростилось бы, – задумчиво сказал Друна, – если бы в Эфебе возникли беспорядки. Это дало бы нам определенные... преимущества.

– И мы получили бы доступ ко всему побережью, – кивнул Ворбис.

– Ну...

– К Джелю, а затем и к Цорту, – продолжал Ворбис.

Друна старался не смотреть в сторону Б'ей Режа.

– Это наш долг, – подвел итог Ворбис. – Наш священный долг. Мы не должны забывать о бедном брате Мурдаке. Он был один и без оружия.

Огромные сандалии Бруты послушно шлепали по каменным плитам к келье брата Ньюрода.

По пути он пытался придумать, с чего начать. «Учитель, я встретил говорящую черепаху и...», «Учитель, здесь одна черепаха хочет...», «Учитель, угадайте, что мне сказала черепаха, которую я нашел в дынях...»

Брута никогда не считал себя пророком, однако мог довольно точно предсказать итог любой беседы, начатой подобным образом.

Многие люди считали Бруту идиотом. Он и выглядел настоящим придурком – взять хоть круглое простецкое лицо, хоть косолапые ноги. Также за Брутой водилась дурная привычка шевелить губами, словно он репетировал каждое предложение. А происходило это потому, что он действительно репетировал все свои слова. Обдумывание давалось Бруте нелегко. Большинство людей думают автоматически, мысли танцуют по их мозгу, как статическое электричество по туче. Так, по крайней мере, казалось Бруте. Он же, напротив, должен был все обдумывать по частям, словно стену строил. Над ним постоянно смеялись, насмехались над бочкообразным телом и ногами, которые, казалось, готовы разбежаться в разные стороны, поэтому Брута старался тщательно обдумывать все, что собирался сказать.

Брат Ньюрод, заткнув уши пальцами, лежал ничком перед статуей Топчущего Безбожников Ома. Его снова одолевали голоса.

Брута кашлянул. Потом кашлянул еще раз.

Брат Ньюрод поднял голову.

– Брат Ньюрод? – спросил Брута.

– Что?

- Э... Брат Ньюрод?

- Что?

Брат Ньюрод вынул пальцы из ушей.

- Да? - несколько раздраженно спросил он.

- Гм, я хотел бы, чтобы вы взглянули на кое-что в... В саду, брат Ньюрод.

Наставник сел. На лице Бруты была написана искренняя тревога.

- Что ты имеешь в виду? - спросил брат Ньюрод.

- Ну, в саду. Это трудно объяснить. Я нашел... Брат Ньюрод, я нашел, откуда исходят голоса. Вы сами просили, чтобы я вам все-превсе рассказывал.

Старый священнослужитель искоса взглянул на послушника. Но если и жил когда-либо на Диске человек, напрочь лишенный хитрости и коварства, так это Брута.

Страх - достаточно странная почва. В основном на ней вырастает послушание, причем рядами, словно пшеница, чтобы удобнее было пропалывать. Но иногда она дает урожай клубней демонстративного неповиновения, которые пышно разрастаются в подполье.

В Цитадели подполья хоть отбавляй. Во-первых, там имеются темницы и тоннели квизиции. А кроме них в Цитадели есть подвалы, сточные трубы, заброшенные помещения, тупики, пространства за древними стенами и даже естественные пещеры в самом скальном основании.

Это была одна из таких пещер. Дым от горящего по центру костра уходил в щель на потолке и бесследно терялся в лабиринте труб и колодцев.

Среди танцующих теней можно было разглядеть около дюжины фигур. Все присутствующие были в грубых накидках поверх невзрачной, сшитой из тряпок одежды, которую не жалко будет сжечь после встречи – чтобы длинные руки квизиции не нашли ничего инкриминирующего. Манеры движений говорили о том, что собравшиеся в пещере привыкли носить оружие. Характерные жесты. Позы. Обороты речи.

На одну из стен было нанесено изображение. Нечто овальное с тремя маленькими выступами в верхней части, причем средний чуть больше крайних, и тремя выступами внизу, средний тоже чуть больше и заостренный. Детский рисунок черепахи.

– Он отправится в Эфеб, – сказала одна из масок. – Не посмеет не поехать. Реку истины следует перекрыть у самого истока, дабы остановить воду.

– Стало быть, мы должны успеть вычерпать из реки все, что возможно, – промолвила другая маска.

– Скорее, нам следует убить Ворбиса!

– Только не в Эфебе. Это должно произойти здесь. Чтобы люди знали. И случится это, когда мы наберем силу.

– А мы когда-нибудь ее наберем? – спросила маска, и ее владелец нервно хрустнул суставами.

– Даже крестьяне чувствуют, что творится нечто странное. Истину не остановить. Запрудить реку истины? Возникнут течи огромной силы. Помните брата Мурдака? Ха! Убит в Эфебе, как сказал Ворбис.

– Один из нас должен отправиться в Эфеб и спасти Учителя. Если он действительно существует.

– Существует, ведь его имя написано на книге.

– Дидактилос. Странное имя. Знаете, оно означает «двупалый».

- Его, должно быть, весьма почитают в Эфебе.

- Доставьте его сюда, если такое возможно. И привезите Книгу.

Одна из масок выглядела крайне нерешительно. Снова защелкали суставы.

- Но сплотится ли народ вокруг... обычной книжки? Народу нужно больше, чем просто книга. Это же крестьяне. Они не умеют читать.

- Зато умеют слушать!

- А если и так... Им нужно показать... Нужен символ...

- У нас есть символ!

Все фигуры в масках инстинктивно повернулись к изображению на стене, почти незаметному в тусклом свете костра, но выгравированному в их умах. Они с благоговением взирали на истину, которая зачастую так поразительна.

- И все-таки Черепаха Двигается!

- Черепаха Двигается!

- Черепаха Двигается!

Вождь людей в масках кивнул.

- А сейчас, - промолвил он, - бросим жребий...

Великий Бог Ом разгневался - или, по крайней мере, предпринял энергичную попытку взъяриться. Но гнев наотрез отказывался подниматься выше чем на один дюйм от поверхности земли, поэтому бог очень быстро достиг предела.

Тогда Ом молча проклял жука - но с тем же успехом можно было таскать воду в решете. Проклятие никакого действия не возымело. Жук, тяжело ступая,

удалился.

Затем бог проклял дыню до восьмого колена – опять ничего. Он напрягся изо всех сил и попробовал насрать на нее бородавки. Дыня лежала себе на грядке, продолжая тихонько зреть.

Он попал в крайне затруднительное положение, и мир не замедлил воспользоваться этим – какое коварство! Ничего, вот когда Ом вновь обретет прежнюю форму и могущество – о да, тогда он Предпримет Шаги. Племена Жуков и Дынь пожалеют о том, что были созданы. И что-нибудь особо ужасное случится со всеми орлами на свете. И... и появится новая заповедь, касающаяся выращивания салата...

Когда наконец вернулся тот тупоголовый паренек, ведя за собой восково-бледного мужчину, Великий Бог Ом не испытывал ни малейшей склонности шутить. Да и вообще, с точки зрения черепахи, самый красивый человек представляет собой лишь пару огромных ног, далекую заостренную голову плюс где-то там же, наверху, располагаются крайне неаппетитные ноздри.

– Это еще кто? – прорычал Великий Бог Ом.

– Это брат Нюмрод, – ответил Брута. – Наставник послушников. Он занимает весьма важное положение.

– Я что, велел тебе притащить сюда какого-нибудь старого жирного педераста?! – взорвался голос в его голове. – За это твои глаза будут насажены на огненные стрелы!

Брута опустился на колени.

– Я не могу обратиться к самому верховному жрецу, – вежливо ответил он. – Послушников пропускают в Великий Храм только в особых случаях. Если меня поймут, квизиция сурово накажет меня за Ошибки в Поведении. Это Закон.

– Тупой дурень! – закричала черепаха.

Нюмрод решил, что настало время вмешаться.

– Послушник Брута, – сурово промолвил он, – почему ты разговариваешь с этой черепашкой?

– Ну, потому... – Брута замялся. – Потому, что она разговаривает со мной...

Брат Ньюрод опустил взгляд на торчащую из панциря одноглазую голову.

Вообще-то он был добрым человеком. Иногда дьяволы и демоны поселяли в его голове дурные мысли, но наружу он их не выпускал, а потому никак не заслуживал быть названным так, как назвала его черепаха, – впрочем, даже если бы он услышал эту характеристику, то, скорее всего, решил бы, что так называется какой-нибудь недуг ног. Брат Ньюрод прекрасно знал, что можно слышать голоса демонов и иногда богов. Но черепашины голоса – это что-то новенькое. Он даже испытал к Бруте некую жалость – в принципе, паренек совершенно безвреден, туповат, конечно, зато безропотно выполняет все, о чем ни попросишь. Юные послушники частенько отправляются чистить выгребные ямы и клетки быков, причем абсолютно добровольно – из-за странной веры в то, что святость и благочестие каким-то мистическим образом связаны с пребыванием по колено в дерьме. Добровольцем Брута никогда не вызывался, но выполнял подобные работы вовсе не ради того, чтобы произвести впечатление, а потому, что их ему поручали. И вот, паренек уже начал с черепахами разговаривать...

– Думаю, мне следует сказать тебе об этом, Брута... Это не совсем те голоса, о которых я упоминал.

– Неужели вы ничего не слышите?

– Ничегошеньки, Брута.

– Черепаха сказала мне, что на самом деле... – Брута замялся. – Сказала мне, что на самом деле она – это Великий Бог Ом.

Выпалив фразу, Брута сжался. За такие слова бабушка непременно ударила бы его чем-нибудь тяжелым.

- Понимаешь, Брута, - промолвил брат Ньюрод, слегка подергиваясь, - такое иногда происходит с Призванными церковью молодыми людьми. То есть ты был Призван, а стало быть, ты услышал глас Господа, верно? Гм-м?

Брута не понял метафору. Что он точно слышал, так это глас своей бабушки. Он скорее был Послан, чем Призван. Тем не менее Брута кивнул.

- А учитывая... твои увлечения, вполне естественно, что ты решил, будто слышишь, как с тобой разговаривает сам Бог.

Черепаша вновь принялась скакать, словно мячик.

- Да как ты смеешь! Я поражу тебя молнией! - вопила она.

- Я считаю, что лучшее лекарство - это физические упражнения, - продолжал брат Ньюрод. - И много холодной воды.

- Ты у меня в вечных муках будешь корчиться!

Ньюрод наклонился и перевернул черепаху. Та яростно задргала лапками.

- А как она сюда попала? Гм-м?

- Понятия не имею, брат Ньюрод, - послушно признался Брута.

- Да отсохнут и отвалятся твои клешни! - надрывался голос в его голове.

- Знаешь, а из них получается очень вкусный суп... - сообщил наставник.

Подняв голову, он увидел выражение лица Бруты.

- Слушай, давай посмотрим на все с другой стороны, - предложил брат Ньюрод. - Мог ли Великий Бог Ом, - знак священных рогов, - предстать перед нами в виде столь презренного существа? В виде быка - да, в виде орла - несомненно, может быть, в виде лебедя, но в виде черепахи?..

- На твоих половых органах вырастут крылья! Все, прощайся со своими яйцами!

- В конце концов, - продолжал Нюмрод, ничегошеньки не подозревая о криках в голове Бруты, - на какие такие чудеса способна черепаха? Гм-м?

- Твои лодыжки перемелют челюсти великанов!

- Что она может? Превратить лист салата в золото? - произнес брат Нюмрод веселым тоном человека, у которого отсутствует всякое чувство юмора. - Устроить чуму в муравейнике? А-ха-ха.

- Ха-ха, - почтительно хихикнул Брута.

- Отнесу-ка я ее на кухню, с твоих глаз долой, - подвел итог наставник послушников. - Из черепах получается замечательный суп. И больше ты не услышишь никаких голосов, можешь мне поверить. Огонь - замечательное средство от безумств, верно ведь?

- Суп?

- Э... - выдавил Брута.

- Твои кишки будут наматываться на дерево, пока не покаешься ты в грехах своих!

Нюмрод оглядел огород. Горизонты наполнились дынями, тыквами и огурцами. Он поежился.

- Много холодной воды - вот еще одно надежное средство, - сказал он. - Много-много. - Он перевел взгляд на Бруту. - Гм-м!

И направился в сторону кухни.

Полузарытый в траве и моркови, Великий Бог Ом валялся вверх лапками в корзине на одной из кухонь.

Лежащая на панцире черепаха, чтобы перевернуться, сначала высунет голову и попытается использовать в качестве рычага шею. Если это не сработает, она примется отчаянно размахивать лапками, пытаясь раскачаться.

В рейтинге самых жалких существ во всей множественной вселенной перевернутая черепаха – девятая по счету.

Тогда как перевернутая черепаха, которая знает, что именно с ней произойдет в следующую минуту, занимает верное четвертое место.

А самый быстрый способ умертвить черепаху для последующего приготовления из нее черепашьего супа – это опустить бедную рептилию в кипяток.

Цитадель была усеяна кухнями, складами и мастерскими ремесленников[4 - Чтобы поддержать одного человека, чья голова витает в облаках, требуется целых сорок, твердо стоящих на земле.]. Это была лишь одна из кухонек – с закопченным потолком, центральное место занимает сводчатая печь. Пламя гудело в трубе. Весело крутились вертела. Топоры поднимались и падали на колоды для рубки мяса.

С одной стороны огромной топки среди разных закопченных котлов стояла маленькая кастрюлька, в которой уже закипала вода.

– Ваши закопченные ноздри сожрут мстительные черви! – заорал Ом, отчаянно дрыгая лапками.

Корзинка качнулась.

Чья-то волосатая рука убрала с нее траву.

– А лично твою печень склюют ястребы!

Рука опустилась ниже и убрала морковь.

– Я поражу тебя тысячей язв!

Рука схватила Великого Бога Ома.

- Людоедские грибы...

- Заткнись! - прошипел Брута, пряча черепаху под рясу.

Он скользнул к двери, незамеченный в общем кулинарном хаосе.

Один из поваров взглянул на юношу и удивленно поднял брови.

- Должен забрать ее назад. Наставник велел. - Брута вытащил из-под одеяний черепашку и весело помахал ею.

Повар было помрачнел, но потом равнодушно пожал плечами. Послушники считались низшей формой жизни, но приказы иерархии выполнялись без лишних вопросов, если, конечно, задающий вопросы не захочет сам ответить на более важные вопросы, как, например, попадешь ли ты на небеса, когда тебя заживо поджарят.

Выйдя во двор, Брута прислонился к стене и перевел дыхание.

- Чтоб твои глаза... - начала было черепашка.

- Еще одно слово, - перебил ее Брута, - и вернешься в корзинку.

Черепашка замолкла.

- У меня, наверное, и так будут неприятности, ведь я пропустил занятия по сравнительной религии, которые ведет брат Велк, - признался Брута. - Но Великий Бог предусмотрительно сделал его близоруким, и, возможно, наставник не заметит моего отсутствия, но если он его заметит, мне придется сообщить, что я натворил, ведь лгать брату считается большим грехом, за такое прегрешение Великий Бог упечет меня в преисподнюю на миллион лет.

- Ну, в данном случае я мог бы проявить некоторое снисхождение, - успокоила черепашка. - Радуйся, срок будет уменьшен до тысячи.

– Хотя моя бабушка говорила, что я все равно отправлюсь в преисподнюю, – продолжал Брута, не обращая внимания на последнюю фразу. – Жизнь сама по себе греховна. А раз ты живешь, значит, каждый божий день ты совершаешь грех.

Он опустил глаза на черепашку.

– Вряд ли ты Великий Бог Ом, – знак священных рогов, – во всяком случае, я так думаю, потому что, если бы я попытался коснуться Великого Бога Ома, – еще одни священные рога, – у меня бы мигом отсохли руки. Да и брат Ньюрод правду говорил: Великий Бог Ом никогда не стал бы заурядной черепахой. Но в Книге пророка Сены говорится, что, когда он странствовал по пустыне, с ним беседовали духи земли и воздуха. Может, ты один из них?

Черепашка долго смотрела на него одним глазом, а потом спросила:

– Сена – это длинный такой? С густой бородой? Глазки все время рыскают?

– Что? – переспросил Брута.

– По-моему, я его помню, – кивнула черепашка. – Точно. Когда он говорил, глазки его так и бегали. А говорил он все время. С собой. Говорил и постоянно натывался на камни.

– Он целых три месяца странствовал по диким, необжитым местам, – поделился Брута.

– Тогда это многое объясняет, – хмыкнула черепашка. – Там же жрать почти нечего. Кроме грибов.

– Или ты демон? – снова принялся размышлять Брута. – Семикнижье запрещает нам беседовать с демонами. Соппротивление демонам, как говорит пророк Фруни, делает нас сильными в вере и...

– Да загниют твои зубы раскаленными нарывами!

– Как-как?

– Я самим собой клянусь, что я Великий Бог Ом, величайший из богов!

Брута постучал черепашку по панцирю.

– Демон, дай-ка я тебе кое-что покажу.

Прислушиваясь к себе, Брута с радостью ощущал, как его вера крепнет с каждым мгновением.

Это была не самая величественная статуя Ома, зато самая близкая. И стояла она неподалеку от темниц, где содержались всякие преступники и еретики. А сделана она была из склепанных вместе железных листов.

Вокруг никого не было, лишь пара послушников вдалеке толкала наполненную чем-то тачку.

– Какой здоровенный бычара, – заметила черепашка.

– Точный образ Великого Бога Ома в одном из его мирских воплощений! – гордо заявил Брута. – И ты говоришь, что ты – это он?

– В последнее время я много болел, – объяснила рептилия.

Ее тощая шея вытянулась еще дальше.

– У него на спине дверь, – удивилась черепашка. – Зачем ему дверь на спине?

– Чтобы класть туда грешников, – пояснил Брута.

– А зачем еще одна на животе?

– Чтобы высыпать очищенный от скверны прах, – ответил Брута. – А дым выходит из ноздрей – чтобы безбожники видели и чтоб им неповадно было.

Черепашка, вытянув шею, осмотрела ряды зарешеченных дверей. Посмотрела на закопченные стены, перевела взгляд на пустующую сейчас канавку для дров, что была прорыта прямо под железным быком. И пришла к некоему заключению. Черепашка неверяще моргнула единственным глазом.

- Людей? - наконец выдавила она. - Вы жарите в этой штуковине людей?

- Так я и думал! - торжествующе воскликнул Брута. - Вот еще одно доказательство, что ты - не Великий Бог! Он бы точно знал, что людей мы здесь не сжигаем. Сжигать людей? Это же неслыханно!

- А, - сказала черепашка. - Тогда что?

- Эта статуя служит для переработки еретических отходов и прочего мусора, - растолковал Брута.

- Весьма интересное применение для статуи, - похвалила черепашка.

- Тогда как грешники и преступники проходят очищение огнем в темницах квизиции и иногда - перед Великим Храмом, - объяснил Брута. - Уж кто-кто, а Великий Бог должен это знать.

- Да знаю я, знаю, просто забыл, - попыталась вмешаться черепашка.

- Кто-кто, а Великий Бог Ом, - священные рога, - должен знать, что он сам некогда сказал пророку Стеношпору. - Брута откашлялся и прищурился, сдвинув брови, что, по его мнению, означало глубокий умственный процесс: - «Да спалит священный огонь неверующего, причем начисто». Стих шестьдесят пятый.

- Что, именно так я и сказал?

- А в год Снисходительного Овоща епископ Крибльфор одной силой убеждения обратил в истинную веру демона, - продолжал Брута. - Тот присоединился к церкви и впоследствии даже стал поддьяконом. Так, во всяком случае, пишут в книгах.

- Я никогда не имел ничего против хорошей драки... - начала было черепашка.

– Твой лживый язык не искусит меня, рептилия, – прервал ее Брута. – Ибо силен я верой своей.

Черепашка аж запыхтела от усилий.

– Ну все, сейчас тебя поразит гром!

Над головой Бруты появилась маленькая, очень маленькая тучка, и крошечная, очень крошечная молния обожгла ему бровь.

По своей ударной силе она могла сравниться разве что с искоркой, которая иногда мелькает на кошачьей шкурке в жаркий сухой день.

– Ай!

– Теперь-то ты мне веришь? – осведомилась черепашка.

На крыше Цитадели дул легкий ветерок. Отсюда открывался чудесный вид на пустыню.

Б'ей Реж и Друна немного помолчали, переводя дыхание. А затем Б'ей Реж спросил:

– Здесь нам ничто не угрожает?

Друна посмотрел вверх. Над высушенными солнцем барханами парил орел. Интересно, насколько острый у орла слух, вдруг задумался он. Что-то у него точно острое. Слух? Способен ли парящий в полумиле над пустыней орел что-либо услышать? Ну и бес с ним, разговаривать-то он все равно не умеет, верно?

– Вряд ли, – ответил он.

– Могу ли я тебе доверять? – уточнил Б'ей Реж.

– А тебе я могу доверять?

Б'ей Реж забарабанил пальцами по парпету.

– Угу, – наконец промолвил он.

Именно в этом и крылась проблема. Проблема всех тайных обществ. Они ведь тайные. Сколько последователей у Движения Черепахи? Этого никто точно не знал. Как зовут стоящего рядом человека? Это знали два других члена, представивших его, но кто скрывается под их масками? Всякое знание несет в себе опасность. Квизиция медленно, но верно выдавит из тебя все, что ты знаешь. Поэтому лучше не знать ничего. Хорошо отлаженная система незнания значительно облегчает разговор внутри ячеек и делает его абсолютно невозможным за пределами тайного общества.

Перед всеми заговорщиками стоит одна основная проблема: как устроить заговор, не обмолвившись о нем ни словечком своему ближнему, он же предполагаемый доносчик, который в любой момент может указать на тебя раскаленной докрасна обвиняющей кочергой.

Мелкие капельки пота, которые, несмотря на теплый ветерок, выступили на лбу Друны, предполагали, что секретарь ломает голову именно над вышеуказанной проблемой. Впрочем, капельки пота – это еще не повод для обвинения. Ну а для Б'ей Режа оставаться в живых уже вошло в привычку.

Он нервно защелкал суставами.

– Священная война... – наконец промолвил он.

Данная формулировка была абсолютно безопасна. Предложение не содержало в себе ни единого словесного ключа, свидетельствовавшего об отношении Б'ей Режа к тому, что их ожидало. Он ведь не сказал: «Клянусь богом! Какая священная война? Этот парень просто чокнулся. Какой-то миссионер-идиот сам напросился, чтобы его убили, еще кто-то там насочинял гору чуши касательно формы нашего мира – а мы начинаем войну?» В случае давления, под пытками, он всегда сможет заявить, что имел в виду примерно следующее: «Наконец-то! Ни в коем случае нельзя упустить возможность погибнуть славной смертью во имя Ома, единственного истинного Бога, который Насмерть Затопчет

Безбожников Железными Копытами!» Хотя какая разница, что скажет на допросе какой-то генерал-иам; обвинение, предъявленное святой квизицией, весомее всех прочих доказательств – но по крайней мере один или два инквизитора могут засомневаться в собственной неоспоримой правоте.

– Вообще-то за последнее столетие церковь стала куда менее воинственной, – ответил Друна, глядя на пустыню. – Больше внимания уделялось мирским проблемам империи.

Утверждение. Ни единственной щели, в которую можно было бы вставить расщепитель костей.

– Был Священный Поход против Крестьянителей, – сухо заметил Б'ей Реж. – А также Покорение Мельхиоритов. Затем состоялось Устранение лжепророка Зеба. И Наказание Пеплелиан, и была наложена Епитимья на...

– Но все это не более чем политика, – прервал его Друна.

– Гм-м. Да, пожалуй, ты прав.

– Хотя, конечно, никто не усомнится в мудрости войны во имя Великого Бога и с целью распространения веры в Него.

– Что ты, никто не усомнится, – подтвердил Б'ей Реж, которому частенько доводилось бродить по полю брани на следующий день после очередной битвы и который не понаслышке знал, как выглядит воистину славная победа.

Омниане строго-настрого запрещают употребление любых стимулирующих средств. И этот запрет кажется особенно строгим, когда ты отчаянно стараешься не заснуть, чтобы не видеть снов, которые обычно следуют за такими прогулками.

– Разве Великий Бог не заявил через пророка Бездона, что не существует более великой и почетной жертвы, нежели отдать жизнь во имя Господа?

– Именно так он и заявил, – согласился Б'ей Реж.

Тут генерал-иам не мог не припомнить, что все пятьдесят лет своего служения Господу, перед тем как тот Избрал его, Бездон безвылазно просидел в Цитадели. На него не нападали, размахивая мечами, визжащие враги. И он никогда не смотрел в глаза человеку, который желал бы ему смерти... впрочем, нет, церковь же встречается со своими прихожанами, вот только сделать эти простолюдины ничего не могут – в отличие от воинов-варваров.

– Умереть смертью храбрых во имя своей веры – это самая благородная смерть, которую только можно себе представить, – нараспев произнес Друна, словно читал слова по некой развернутой внутри головы бумажке.

– Так утверждают пророки, – тихо подтвердил Б'ей Реж.

Б'ей Реж знал, что пути Великого Бога неисповедимы. Разумеется, Он сам избирает Своих пророков, хотя иногда создавалось впечатление, что помощь Господу не помешала бы. Или Он слишком занят, чтобы заниматься какой-то там отбраковкой, и служители церкви уже ему помогают? Во всяком случае, во время служб, проводимых в Великом Храме, все священнослужители постоянно о чем-то перешептывались, кидали друг на друга многозначительные взгляды и утвердительно кивали друг другу.

Определенно, вокруг молодого Ворбиса присутствует некое божественное свечение – как легко перейти с одной мысли на другую... Этот человек явно отмечен судьбой. «Или еще чем-то», – добавила крошечная часть Б'ей Режа, которая провела свою жизнь в палатках, в которую часто стреляли и которая участвовала в кровопролитных схватках, где могла быть убита как врагом, так и союзником. Этой части генерала-иама была уготовлена участь бесконечные вечности жариться в самых глубоких преисподних, но определенная практика выживания у нее уже была.

– Тебе известно, что я много путешествовал? Когда был моложе? – спросил он.

– Я частенько слышал твои крайне занимательные истории о путешествиях в варварские земли, – вежливо ответил Друна. – Особенно ты любишь рассказывать о колокольчиках.

– А я когда-нибудь рассказывал тебе о Коричневых островах?

– Это о тех, которые находятся за краем всего? – уточнил Друна. – Вроде что-то было. Хлеб там растет на деревьях, а девушки занимаются тем, что ищут в ракушках маленькие белые шарики. По твоим словам, они ныряют за этими своими ракушками без единой нитки...

– Не это главное. Я припомнил еще кое-что, – прервал его на самом интересном месте Б'ей Реж. Вспоминать было тоскливо, особенно здесь, в пустыне, под лиловым небом. – Там на море очень сильное волнение. Волны гораздо выше, чем на Круглом море, и люди выгребают ловить рыбу за прибой на странных деревянных досках. А когда им надо вернуться на берег, они поджидают волну, встают на нее, и она несет их прямо на берег.

– Честно говоря, мне больше понравился рассказ о молодых ныряльщицах, – признался Друна.

– Но иногда приходят очень большие волны, – Б'ей Реж словно не слышал его. – И все живое отступает перед ними. Единственный способ выжить, когда на тебя идет такая волна, – это оседлать ее. И я научился этому.

Друна заметил блеск в его глазах.

– Ах! – воскликнул он, согласно кивая. – Как мудро со стороны Великого Бога разместить на нашем пути столь поучительные примеры!

– Главное – правильно определить силу волны, – продолжал Б'ей Реж. – Потом ты вскакиваешь на доску и едешь.

– А что случается с теми, кто не смог вскочить на доску?

– Они тонут. Часто. Некоторые волны очень большие.

– Абсолютно естественное состояние волн, насколько мне известно.

Орел по-прежнему парил над холмами. Если он и понимал что-нибудь из разговора, то умело скрывал это.

– В языческих землях поджидает нас много опасностей. Кто знает, что спасет тебе жизнь?! – неожиданно бодро воскликнул Друна.

– Разумеется.

С башен, расставленных по всему периметру Цитадели, дьяконы монотонно доносили молитвы.

Брута должен был сидеть на занятиях. Впрочем, наставники иногда делали ему поблажки. В конце концов, он знал наизусть все до единой Книги Семикнижья, а также все гимны и молитвы – и все это благодаря своей бабушке. Вот и сегодня, возможно, наставники сочли, что он занимается общественно полезным трудом. Делает то, что другие делать не хотят.

Брута обработал мотыгой грядку бобов – просто так, для красоты. Тем временем Великий Бог Ом, временно утративший свое величие, закусил листиком салата.

«Всю жизнь, – думал Брута, вяло нарисовав знак священных рогов, – я считал, что Великий Бог Ом – это... огромная борода в небе, а если Он спускается на землю, то становится гигантским быком или львом... ну, или чем-то крупным. Чем-то, на что обычно смотришь снизу вверх».

Почему-то он не воспринимал черепашку. «Я так стараюсь... но ничего не получается. А когда эта рептилия говорит о семиархах как о лишившихся ума стариках, это похоже на сон...»

В субтропических лесах подсознания Бруты вылупилась и для пробы взмахнула крылышком бабочка сомнения, совершенно не сведущая, что гласит о такой ситуации теория хаоса...

– Я чувствую себя значительно лучше, – заявила черепашка. – Лучше, чем за последние несколько месяцев.

– Месяцев? – переспросил Брута. – И долго ты... того... болел?

Черепашка наступила на лист.

- А какой сегодня день? – спросила она.

- Десятое грюня, – ответил Брута.

- Да? А какого года?

- Э... Умозрительной Змеи. Что ты имеешь в виду?

- Стало быть, три года, – подсчитала черепашка. – Хороший салат. Это говорю тебе я. В горах нет салата. Иногда бананы, но в основном – колючки. Пожалуй, от еще одного листочка я не откажусь.

Брута общипал ближайшее растение. «Так рёк Он, – подумал он, – и явился еще один лист».

- А почему ты не принял образ, скажем, быка? – уточнил он.

- Понимаешь, я открыл глаза... вернее, глаз... и увидел себя черепахой.

- Как такое могло случиться?

- Откуда мне знать? Понятия не имею, – соврала черепашка.

- Но ты ведь... всеведущ, – удивился Брута.

- Это еще не значит, что я знаю все-превсе.

Брута, задумавшись, прикусил губу.

- Гм. А по-моему, именно это и значит.

- Ты не путаешь?

- Нет.

- Никак не могу запомнить, чем «всемогущий» отличается от «всеведущего».
- «Всемогущий» – это когда ты все-все можешь. Но ты и всеведущ тоже. Так говорится в Книге Урна. Он был одним из Великих Пророков. Надеюсь, тебе об этом известно, – добавил Брута.
- А кто сказал ему, что я всемогущ?
- Ты сам и сказал.
- Я не говорил.
- Ну, во всяком случае, он утверждал, что это был ты.
- Урн? Что-то не припомню никого с таким имечком, – пробормотала черепашка.
- Ты разговаривал с ним в пустыне, – начал объяснять Брута. – Должен помнить. Он был восьми футов ростом. С очень длинной бородой. С огромным посохом. И со сверкающими на голове священными рогами...
- Брута вдруг замолчал. Да нет, все верно, рога точно были, он же видел статуи и священные иконы. Они не могут врать.
- Никогда не встречал подобного уroda, – ответил мелкий бог Ом.
- Ну, может, он был чуть меньше ростом, – уступил Брута.
- Урн, Урн... – задумчиво повторила черепашка. – Нет... Нет... Не могу сказать, что...
- Он утверждает, что ты говорил с ним из огненного столба, – добавил Брута.
- Ах этот Урн... – облегченно произнесла черепашка. – Из огненного столба. Ну да.

– И ты продиктовал ему Книгу Урна, – продолжал Брута, – которая содержит Указания, Введения, Отречения и Наставления. Всего сто девяносто три главы.

– А вот этого я не припомню, – с сомнением откликнулась черепашка. – Если б я кому-то надиктовал сто девяносто три главы, то, думаю, всяк запомнил бы такое...

– Что же ты тогда сказал ему?

– Ну, просто крикнул: «Эй, смотри, как я умею!»

Брута не сводил глаз со смущенной, если такое вообще возможно, черепашки.

– Что пялишься? Богам тоже нужно время от времени расслабляться, – огрызнулась она.

– Сотни тысяч людей проживают свои жизни согласно Отречениям и Наставлениям! – прорычал Брута.

– Я же им этого не запрещаю, – парировал Ом.

– Если ты ему ничего не диктовал, то кто тогда это был?

– Мне-то откуда знать? Повторяю, я – не всеведущ!

Брута дрожал от ярости.

– А пророк Бездон? Он что, тоже получил свои Кодициллы от случайного прохожего?

– Ну, во всяком случае, не от меня...

– Они были написаны на свинцовых плитах высотой десять футов!

– И это, по-твоему, означает, что такое мог сотворить только я?! Ну да, у меня всегда под рукой тонна-другая свинцовых плит на тот случай, если встречу кого

в пустыне.

- Что? Если их ему дал не ты, то кто же?

- Понятия не имею. И почему я должен это знать? Я не могу быть везде одновременно!

- Но ты же вездесущ.

- Кто сказал?

- Пророк Хашими!

- Никогда не встречал такого!

- Да? Что? То есть это не ты дал ему Книгу Сотворения?

- Какую такую Книгу Сотворения?

- Ты что, не знаешь?

- Нет.

- Тогда кто дал ее ему?

- Не знаю! Может, он сам ее написал!

Брута в ужасе закрыл рот ладонью.

- Это же бохофульфо.

- Что?

- Я сказал, что это же богохульство!

– Богохульство? Как я могу богохульствовать, если я сам бог?

– Я тебе не верю.

– Ха! Хочешь схлопотать еще одну молнию?

– И ты называешь это молнией?

Брута весь покраснел, его била дрожь. Черепашка печально повесила голову.

– Хорошо, согласен. Признаю, молния получилась не слишком убедительной, – сказала она. – Но если бы я чувствовал себя лучше, от тебя осталась бы лишь пара дымящихся сандалий. – Черепашка выглядела совсем жалкой. – Не понимаю... Ничего подобного никогда со мной не происходило. Я намеревался стать на недельку-другую гигантским белым быком, а в результате на целых три года застрял в облике черепахи. Почему? Я не знаю, а предполагается, что я знаю все. По крайней мере, если верить твоим пророкам, с которыми я якобы встречался. Да со мной вообще отказывались говорить! Я пытался обращаться к козопасам, еще к кому-то, но меня просто не замечали! Я даже начал подумывать, что я – черепаха, которой пригрелось, будто она – бог. Настолько плохо мне было.

– Возможно, все так и есть, – сказал Брута.

– Твои ноги распухнут и уподобятся стволам деревьев! – рявкнула черепашка.

– То есть... то есть, – перебил Брута, – ты утверждаешь, что пророки... это обычные люди, которые что-то там написали?!

– Ну да!

– И ты им ничего не говорил?

– Говорил, наверно, – откликнулась черепашка. – За последние несколько лет я столько всего забыл...

- Но если ты ползал в виде черепахи, кто ж тогда слушал обращенные к тебе молитвы? Кто принимал жертвоприношения? Кто судил мертвых?

- Не знаю, - ответила черепашка. - А раньше кто всем этим занимался?

- Ты!

- Да?

Брута заткнул уши пальцами и открыл их только на третьем стихе «Безбожники, Убойтесь Гнева Омьего».

Через пару минут черепашка высунула голову из панциря.

- Послушай, - сказала она, - а сжигая безбожников... вы им тоже что-то поете?

- Нет!

- Слава мне. Они умирают без мучений. Можно я кое-что скажу?

- Если ты еще хоть раз поставишь под сомнение мою веру...

Черепашка замолчала. Ом покопался в своей увядающей памяти. Потом провел по земле лапкой.

- Я помню день... Солнечный летний день... Тебе было... тринадцать...

Бесстрастный тоненький голос говорил монотонно. От удивления рот Бруты открывался все шире и шире.

- Откуда тебе это известно? - наконец спросил он.

- Ты ведь веришь в то, что Великий Бог Ом следит за всеми твоими поступками?

- Ты - черепаха, ты не мог...

– Незадолго до того, как тебе исполнилось четырнадцать, твоя бабушка выпорола тебя за то, что ты украл сливки из кладовой, хотя ты этого не делал. Она заперла тебя в твоей комнате, а ты пробормотал ей вслед: «Чтоб ты...»

«Должно явиться знамение, – думал Ворбис. – Знамение всегда является, главное – знать, куда смотреть. Пути Господа неисповедимы, но мудрец умеет сделать так, чтобы Бог повстречал его на Своем пути».

Он шел по Цитадели. Ворбис каждый день обходил нижние уровни, но, разумеется, всегда в разное время, и всякий раз он следовал другим маршрутом. Одним из удовольствий в жизни – по крайней мере, из более или менее понятных нормальным людям – Ворбис находил рассматривание лиц скромных членов духовенства, когда священнослужители, ничего не подозревая, выныривали из-за угла и сталкивались лицом к подбородку с дьяконом святой квизиции Ворбисом. За этим всегда следовал судорожный вдох, свидетельствующий о нечистой совести. Ворбис любил выявлять и искоренять всякую нечистую совесть. Впрочем, какая совесть никогда не страдала виной? А вина – это смазка, при помощи которой вращаются колеса власти.

Он вышел из-за угла и увидел на противоположной стене грубое изображение овала с грубыми лапками и еще более грубыми головой и хвостом.

Ворбис улыбнулся. В последнее время таких изображений становилось все больше. Пусть ересь нагноится, пусть выйдет на поверхность, как нарыв. Ворбис умел управляться с ланцетом.

За этими раздумьями он прошел нужный поворот и вдруг очутился на солнце.

На мгновение ему показалось, будто он заблудился, несмотря на доскональное знание всех темных закоулков Цитадели. Он стоял посреди одного из обнесенных стеной огородов. Окружая со всех сторон ухоженный лоскут высокой декоративной клатчской пшеницы, тянулись ввысь красно-белые цветы бобов, а между бобовыми грядками на пыльной почве жарились на солнечном свете нежные дыни. В обычных обстоятельствах Ворбис не преминул бы отметить и одобрить столь эффективное использование земли, но в обычных обстоятельствах он не увидел бы пухлого молодого послушника, катающегося в пыли с заткнутыми пальцами ушами.

Некоторое время Ворбис смотрел на паренька, а потом тронул его носком сандалии.

– Что мучает тебя, сын мой?

Брута открыл глаза.

Из всех высших церковных чинов в лицо он знал лишь пару человек. Даже сенобиарх был для него далеким мутным пятном в толпе. Но эксковизитора Ворбиса знали все без исключения. Что-то в его облике внедрялось в ваше подсознание в первые же дни после прихода в Цитадель. Бога по привычке лишь боялись, в то время как Ворбис внушал людям сущий ужас.

Брута потерял сознание.

– Как все странно... – задумчиво промолвил Ворбис.

Его заставило оглянуться какое-то необычное шипение.

Рядом со своей ногой он увидел маленькую черепаху. Задрав свою головку, она старалась отползти назад и шипела, будто чайник.

Ворбис поднял рептилию и внимательно осмотрел со всех сторон, а потом выбрал участок огорода на самом солнцепеке и положил черепашку на спину. Подумав еще немного, он взял с цветочной клумбы пару камушков и подложил их под панцирь так, чтобы рептилия не смогла перевернуться.

Ворбис считал, что нельзя упускать ни малейшей возможности пополнить свои эзотерические знания, а потому решил про себя обязательно заглянуть сюда несколькими часами позже и посмотреть, как движется процесс, – если, конечно, работа позволит.

Затем Ворбис вновь обратил свое внимание на Бруту.

Есть своя преисподняя для богохульников. Своя – для людей, оспаривающих законную власть. Несколько разных преисподних для врунов. Возможно даже, существует своя преисподняя для маленьких мальчиков, которые некогда желали своей бабушке смерти. В общем, всяких преисподних хватает – самых разнообразных, на любой вкус.

А еще существует следующее определение вечности: это промежуток времени, определенный Великом Богом Омом для того, чтобы каждый успел получить заслуженное наказание.

Чего-чего, а преисподних у омниан хватало.

В данный момент Брута проходил через все из них по очереди.

Брат Нюмрод и брат Ворбис внимательно наблюдали, как он мечется по кровати, словно выброшенный на берег кит.

– Это все солнце, – сказал Нюмрод. Он почти отошел от первоначального шока, который испытал, подняв глаза и увидев перед собой эксквизитора. – Бедный парнишка целый день работал на огороде. Это должно было случиться.

– А наказывать ты его пробовал? – поинтересовался брат Ворбис.

– Должен признаться, пороть молодого Бруту все равно что стегать матрас, – ответил Нюмрод. – Он, конечно, дерет глотку, кричит что-то, но, как мне кажется, только для того, чтобы продемонстрировать усердие. Очень усердный и прилежный паренек. Это о нем я как-то упоминал.

– Выглядит не слишком сообразительным.

– Так оно и есть, – признал Нюмрод.

Ворбис одобрительно кивнул. Чрезмерную сообразительность послушника вряд ли стоит считать счастливым даром. Иногда ее можно направить во славу Ома, но зачастую она становится причиной... нет, не неприятностей, потому что Ворбис точно знал, как следует поступать с излишней сообразительностью, просто не любил выполнять дополнительную ненужную работу.

– Тем не менее ты утверждал, что наставники о нем весьма высокого мнения, – продолжил он.

Нюмрод пожал плечами.

– Очень послушный паренек, – пояснил он. – Кроме того, у него такая память...

– Какая память?

– Слишком хорошая, – сказал Нюмрод.

– У него хорошая память?

– Хорошая не то слово – великолепная. Он знает наизусть все Семи...

– Гм-м? – спросил Ворбис.

Нюмрод почувствовал на себе взгляд дьякона.

– Идеальная, если хоть что-то может быть идеальным в этом самом неидеальном из миров, – пробормотал он.

– Значит, начитанный юноша... – подытожил Ворбис.

– Э... Не совсем так, – поправил его Нюмрод. – Он не умеет читать. Ни читать, ни писать.

– А, ленивый юноша...

Дьякон был не из тех людей, которые любят изъясняться двусмысленностями. Нюмрод несколько раз открыл и закрыл рот, подбирая правильные слова.

– Нет, – выдавил он наконец. – Паренек старается. В этом мы абсолютно уверены. Просто, как нам кажется, он не способен... не может понять связь между звуками и буквами.

- Ну хоть за это вы его наказывали?

- Наказание никаких плодов не принесло.

- Как же тогда он выбился в способные ученики?

- Он слушает, - ответил Нюмрод.

Никто не умел слушать так, как Брута. Вот почему учить его было трудно. Словно... словно ты оказывался в огромной пещере и все произносимые тобой слова бесследно исчезали в безбрежных глубинах головы Бруты. Незнакомые с Брутой наставники могли начать заикаться или даже замолкали перед лицом столь полного, концентрированного впитывания каждого звука, срывающегося с их губ.

- Он все слушает, - продолжал Нюмрод. - Все видит. И все впитывает.

Ворбис перевел взгляд на Бруту.

- Кроме того, я ни разу не слышал, чтобы он произнес хоть одно недоброе слово, - добавил Нюмрод. - Другие послушники иногда насмеваются над ним. Называют Тупым Быком или вроде того.

Ворбис внимательно осмотрел похожие на окорока руки Бруты, его толстые, как стволы деревьев, ноги.

Казалось, он глубоко задумался.

- То есть ты утверждаешь, что он не может читать и писать, зато отличается крайней преданностью?

- Преданностью и верностью.

- И хорошей памятью... - пробормотал Ворбис.

- Более чем, - подтвердил Нюмрод. - Это даже нельзя назвать памятью.

Судя по всему, Ворбис пришел к некоему решению.

– Как очнется, пришлешь его ко мне, – велел он.

Нюмрод смертельно побледнел.

– Я с ним только поговорю, – успокоил его Ворбис. – Возможно, паренек мне пригодится.

– Слушаюсь.

– Ведь пути Великого Бога Ома столь таинственны, столь неисповедимы...

Высоко в небе. Только свист ветра в перьях.

Орел парил на ветру и смотрел вниз на игрушечные здания Цитадели.

Он где-то ее выронил и теперь никак не мог отыскать. Она где-то там, внизу, на этом крошечном зеленом пятнышке.

Пчелы весело жужжали в бобовых цветах. Солнце немилосердно жгло панцирь Ома.

И для черепах тоже имеется своя преисподняя.

Он слишком устал, чтобы шевелить лапками. Но другого способа не было. Или высунуть голову как можно дальше и мотать ею в надежде перевернуться.

Если не остается верующих в тебя, ты умираешь. Основную проблему мелких богов всегда составляли верующие. Но ты так же умираешь, когда умираешь.

Частью мозга, не занятой мыслями о нестерпимой жаре, он воспринимал ужас и замешательство Бруты. Не следовало так поступать с пареньком... Он и не думал следить за ним. Да и какой бог станет заниматься подобной ерундой?

Кого волнует, чем там заняты люди? Вера – вот что главное. Он просто заглянул пареньку в голову и извлек оттуда воспоминания, как фокусник извлекает из своего уха яйцо. Просто фокус, просто хотел произвести впечатление.

«Я лежу на спине, становится все жарче, и скоро я умру...

И тем не менее... и тем не менее этот поганый орел выпустил меня прямо над компостной кучей. Клоун какой-то, а не орел. Все вокруг построено из камня, на камне и в каменистой местности, а он умудрился отпустить меня над тем единственным местом, которое прекратило мой полет, но не мою жизнь. Мало того, я тут же умудрился наткнуться на самого настоящего верующего.

Очень странно. Можно было бы принять за промысел божий, если б я сам не был богом... пусть лежащим на спине, страдающим от жары и готовящимся к смерти...»

А этот человек, который его перевернул. Выражение его мягкого лица. Ом хорошо его запомнил. Выражение не жестокости, нет, но какого-то другого уровня существования. Выражение абсолютного, ужасного умиротворения...

Солнце закрыл чей-то силуэт. Ом прищурился на Лю-Цзе, а тот в свою очередь взирал на рептилию с добрым, хоть и перевернутым сочувствием. А потом он взял и поставил черепашку на лапки. После чего поднял метлу и ушел, даже не оглянувшись.

Ом, с трудом переводя дыхание, припал к земле, но затем, отдышавшись, немного повеселел.

«И все-таки кто-то там, наверху, любит меня, – подумал он. – И этот «кто-то» – Я».

Сержант Симони наконец вернулся к себе домой и только там развернул свой клочок бумаги.

И нисколечко не удивился, увидев маленькое изображение черепахи. Ему повезло.

Этого момента он ждал всю жизнь. Кто-то должен привести в Омнию носителя Истины, дабы он стал символом движения. И это сделает он, сержант Симони. Жаль только, Ворбиса нельзя убить.

Нет, это должно произойти на глазах у всех.

Перед Великим Храмом. Иначе никто не поверит.

Ом ковылял по занесенному песком коридору.

После исчезновения Бруты он немножко побездельничал. Бездельничество – это еще одно умение, которым в совершенстве владеют черепахи. Возможно даже, они мировые чемпионы в этом виде спорта.

«От паренька никакого проку... – думал Ом. – И чего я завел разговор с каким-то несмышленным послушником?»

Но этот тощий старик его не слышал. Как и шеф-повар. Со стариком все понятно, совсем оглох. А вот что касается повара... Ом пометил для себя: после возвращения божественной силы придумать для поваров что-нибудь этакое, особое. Он еще не знал, что в точности, но не последнюю роль в судьбе всех поваров должен был сыграть кипяток, а может, и морковке место найдется.

Некоторое время он тешил себя мечтами о жуткой участи, ожидающей злодея-повара, но потом вдруг опомнился. Все это несбыточные мечтания. Он по-прежнему находится посреди огорода в облике черепахи. Ом прекрасно помнил, как попал сюда, и даже с ужасом взглянул на темную точку в небе, которая, как подсказывала ему память, была орлом. Следует найти более приземленный способ убраться отсюда, если, конечно, он не собирается провести следующий месяц жизни, прячась под дынным листом.

И тут его поразила еще одна мысль. Еда! Вкусная еда!

Вернув былое могущество, некоторое время он посвятит конструированию новых преисподних. А также выдаст на-гора парочку свежих Заповедей. Не Возжелай Мяса Черепахового. Неплохо, очень неплохо. И как это не пришло ему в голову

раньше? С чувством перспективы у него всегда были проблемы.

Если бы всего несколько лет назад он придумал заповедь вроде: «Да Отнеси Ты, Придурок, Любую Бедствующую Черепаху Туда, Куда Она Захочет, Если Ты, а Это Особо Важно, Не Орел» – вот если бы он тогда позаботился придумать что-нибудь похожее, то не находился бы сейчас в столь нелепом положении.

Однако выхода нет... Придется искать сенобиарха самому. Верховный жрец непременно его услышит.

Он должен быть где-то здесь. Верховные жрецы не уходят далеко от насиженных мест. И найти сенобиарха будет достаточно несложно. Ом все-таки еще бог, пусть и в облике черепахи. Неужели он не справится с такой простой задачей?

Нужно лишь ползти вверх. Суть иерархии именно в этом и состоит. Самый главный всегда на самом верху.

Слегка покачивая панцирем, бывший Великий Бог Ом отправился исследовать возведенную в его честь Цитадель.

Он не мог не заметить, что за последние три тысячи лет здесь произошли серьезные перемены.

– Со мной? – удивленно воскликнул Брута. – Но, но...

– Мне кажется, он не собирается тебя наказывать, – подбодрил его Ньюрод. – Хотя наказания ты как раз заслуживаешь. Мы все заслуживаем, – добавил он с чувством.

– Но зачем он хочет со мной встретиться?

– ...Встретиться? Он упомянул, что хочет просто поговорить.

– Но я не могу сказать ничего такого, что могло бы заинтересовать квизитора! – завопил Брута.

– ...Квизитора. Ему лучше знать. Ты же не собираешься противиться желаниям дьякона.

– Нет, нет. Конечно, нет, – торопливо произнес Брута и повесил голову.

– Молодец. – Ньюрод похлопал Бруту по спине, вернее, по той части, до которой смог дотянуться. – Давай, беги, – велел он. – Уверен, все будет в порядке... Скорее всего, в порядке, – чуть погодя добавил он, потому что привычку к честности привили ему с детства.

Лестниц в Цитадели было немного. Для процессий, являвшихся неотъемлемой частью сложных ритуалов в честь Великого Бога Ома, требовались длинные пологие склоны. Если ступени и были, то настолько низкие, что их с легкостью мог одолеть даже немощный старик, каковых в Цитадели было немало.

Из пустыни постоянно приносило песок. На ступеньках и во дворах, несмотря на усилия целой армии вооруженных метлами послушников, постоянно громоздились песчаные наносы.

Черепашьи лапки славятся своей низкой эффективностью.

– И Строй Ступени Пониже, – прошипел бог, с трудом взбираясь на очередную ступеньку.

Всего в нескольких дюймах от него куда-то спешили ноги. Это была одна из самых оживленных улиц Цитадели, она вела к Месту Сетований, и по ней каждый день проходили тысячи паломников.

Несколько раз черепаший панцирь задевала чья-нибудь сандалия, после чего бог Ом некоторое время крутился на месте.

– Чтоб твои ноги оторвались от тела и приземлились прямо в муравейник! – гневно орал он вслед.

Выразив таким образом свой протест, он чувствовал себя несколько лучше.

Чья-то нога поддела его, и бог быстро заскользил по камням, пока со звоном не ударился об изогнутую металлическую решетку, вмонтированную в стену. Только молниеносное движение челюстей спасло его от падения. Покачиваясь, бог завис над подвалом.

У черепах небывало сильные челюсти. Бог немного покачался, помахал лапками. Все нормально. Годы, проведенные в испещренной трещинами гористой местности, подготовили его к подобным ситуациям. Главное – зацепиться хоть лапкой...

Его внимание привлекли какие-то неясные звуки. Звон металла, потом раздался сдавленный крик.

Ом вывернул свой единственный глаз.

Окошко, забранное решеткой, располагалось под самым потолком очень длинной комнаты, которую заливал яркий свет, просачивающийся сюда через световые колодцы, каковые пронизывали всю Цитадель.

Сюда же свет провели специально. Ворбис настоял на этом. Инквизиторы, как говорил он, должны работать не в тени, а на свету.

Они должны отчетливо видеть то, чем занимаются.

Вот как Ом сейчас.

Некоторое время повисший на решетке бог никак не мог оторвать взгляд от ряда скамеек-верстаков.

В целом Ворбис не поощрял использование раскаленного железа, цепей с шипами и всяких штуквин с отверстиями и большими винтами, если, конечно, пытка не производилась публично, скажем, во время Поста. Он всегда говорил, что самым обычным ножом можно добиться поистине удивительных результатов...

Но многим инквизиторам больше нравились старые, проверенные способы.

Скоро Ому наконец удалось чуточку подтянуться – ценой жуткой судороги, которая немедля свела шейные мышцы. Однако он этого даже не заметил: его мысли были заняты совсем другим. Он попробовал зацепиться за прут сначала одной передней лапкой, потом другой. Его задние лапки занесло, однако ему удалось вонзить коготь в крошащийся камень.

Последнее усилие – и он снова выбрался на солнечный свет.

Бог шел медленно, стараясь прижиматься к стене, чтобы его не затоптали. Впрочем, он бы и так шел медленно, особого выбора у черепахи нет, но сейчас он никуда не спешил, потому что напряженно думал. Немногие боги умеют думать и идти одновременно.

Любой человек может направиться к Месту Сетований. Это одна из великих свобод, даруемых омнианством.

Также существует много способов подать петицию Великому Богу, и зависят они в основном от того, какие траты вы можете себе позволить – что, в принципе, весьма и весьма разумно. В конце концов, люди, достигшие в своей жизни успеха, сделали это с одобрения Великого Бога, ведь вряд ли такое может быть, что они добились успеха с Его неодобрения. Аналогично работа квизиции лишена даже малейшей возможности ошибки. Подозрение – уже доказательство. А как иначе? Великий Бог не заронил бы семена подозрения в умы Своих эксквизиторов, если б оно не было оправданно. Для человека, верящего в Великого Бога Ома, жизнь могла быть очень простой. И нередко – весьма краткой.

Впрочем, всегда есть жадные или глупые люди, а также те, кто в связи с некими оплошностями, допущенными в этой или прошлой жизни, не могут позволить себе купить даже щепотку ладана. И таковым людям Бог Ом, Великий в Своей мудрости и милосердии, даровал последнюю возможность исправиться.

На Месте Сетований принимались всевозможные просьбы и мольбы. Гарантировалось, что все просьбы будут услышаны. Может быть, на них даже обратят внимание.

За Местом Сетований, представлявшим собой квадрат со стороной в двести метров, возвышался сам Великий Храм.

Там-то и пребывал Великий Бог.

Ну, или где-то рядом...

Ежедневно Место Сетований посещали тысячи паломников.

Каблук ударил Ома по панцирю и отбросил черепашку к стене. При отскоке бог угодил краем щитка в костыль и завертелся среди людских ног, словно монета. Остановился он, только когда врезался в скатанный матрас какой-то старухи, которая, подобно многим другим верующим, полагала, что действенность ее молитвы напрямую зависит от времени, проведенного на площади.

Бог одурело заморгал. Он ощущал себя так, словно вновь оказался в когтях у орла – или повис на решетке над подвалом квизиции... Впрочем, нет, ничего худшего, чем увиденное в подвале, просто быть не могло...

Он успел уловить несколько слов, прежде чем чья-то нога отбросила его в сторону.

– Уже три года засуха свирепствует в нашей деревне... Пошли хоть маленький дождичек, а, Господи?

Вращаясь на верхушке панциря и смутно пытаюсь сообразить, прекратят ли люди пинать его, если он им таки ответит, Великий Бог пробормотал:

– Нет проблем.

И тут же, заработав очередной пинок, завертелся, невидимый для верующих, среди леса ног. Мир вокруг помутнел.

До него донесся старческий, полный безнадежности голос:

– Бог, а Бог, почему моего сына забрали в твой Божественный Легион? Кто теперь будет работать на поле? Разве ты не мог призвать другого мальчика?

- Э-э, я постараюсь все уладить... - пропищал Ом.

Сандалия ударила его под хвост, и бог отправился в краткий полет над площадью. Под ноги никто из молящихся не смотрел. Все свято верили в то, что если, бормоча молитву, уставиться на золотые рога на крыше храма, это придаст словам действенности. На удар черепахой по лодыжке люди автоматически отвечали пинком.

- ...Моя жена, страдающая...

- И поделом ей!

Бум...

- ...Очисти колодец в нашей деревне, который полон...

- Так вам и надо!

Бум...

- ...Каждый год налетает саранча, и...

- Обещаю, если только...

Бум...

- ...Пропал в море пять месяцев назад...

- ...Хватит меня пинать!

Черепашка приземлилась на левый бок посреди свободного, залитого солнцем пяточка.

Сразу попав в поле зрения...

Большую часть жизни животного занимает распознавание образов – форм охотника и добычи. Лес, на взгляд существа случайного, остается обычным лесом, но для голубки этот лес – ничего не значащий расплывчатый зеленый фон, а вот на переднем плане у нее – сидящий на ветке дерева сокол, которого вы совершенно не заметили. Для крохотной точки парящего в высоте канюка вся панорама мира – серый туман, значение имеет лишь добыча, которая пытается укрыться в траве.

Сидевший на священных рогах орел взлетел в небо.

К счастью, благодаря той же самой связи, которая возникает между охотником и жертвой, черепашка в ужасном предчувствии вовремя подняла свой единственный глаз.

Орлы – существа достаточно целеустремленные. Если им в голову втемяшилась мысль об обеде, она останется там, пока не будет удовлетворена.

Двое божественных легионеров охраняли покои Ворбиса. На Бруту они посмотрели косо, словно в поисках предлога наброситься на потенциального мятежника.

Тщедушный седой монах отворил дверь, провел Бруту в маленькую, бедно обставленную комнатку и многозначительно указал на табурет.

Брута послушно сел. Монах исчез за шторой. Брута обвел взглядом комнату, и...

Тьма поглотила его. Однако, едва он успел пошевелиться, – рефлекс Бруты оставляли желать лучшего даже в обычных обстоятельствах, – чей-то голос у самого его уха тихо произнес:

– Не паникуй, брат. Я приказываю тебе не паниковать.

Лицо Бруты закрывала плотная ткань.

– Просто кивни, мальчик.

Брута кивнул. Ему надели на голову мешок. Каждый послушник знал об этой традиции. О ней рассказывали в опочивальнях, перед тем как заснуть. Мешок на голове нужен затем, чтобы инквизиторы не знали, кого пытаются...

– Молодец. А сейчас мы перейдем в другую комнату. Ступай осторожно.

Чьи-то руки подняли его с табурета и куда-то повели. Сквозь туман непонимания он почувствовал мягкое прикосновение шторы, затем ощутил под ногами ступени, по которым спустился в помещение с засыпанным песком полом. Руки крутанули его несколько раз, твердо, но беззлобно, а затем потащили по коридору. Прошуршала еще одна штора, после чего его охватило необъяснимое ощущение, что он оказался в какой-то просторной зале.

Только потом, много позже, Брута осознал: страха не было. Мешок надели ему на голову в покоях главы квизиции, а он даже не подумал испугаться. Потому что у него была вера.

– За твоей спиной стоит стул. Садись.

Брута сел.

– Можешь снять мешок.

Брута повиновался.

И прищурился от яркого света.

В дальнем конце комнаты на табуретах, каждый из которых охранялся двумя божественными легионерами, сидели три фигуры. Брута сразу же узнал орлиное лицо дьякона Ворбиса, по одну сторону от него сидел коренастый мужчина, по другую – какой-то толстяк, но не крепкого телосложения, как сам Брута, а настоящая бочка с салом. Все трое были облачены в простые серые рясы.

Раскаленных щипцов нигде поблизости видно не было. Как и острых ланцетов.

Все пристально смотрели на него.

– Послушник Брута? – уточнил Ворбис.

Брута кивнул.

Ворбис усмехнулся – так усмехаются очень умные люди, подумав о чем-то не слишком смешном.

– Еще настанет тот день, когда мы будем называть тебя братом Брутой... – сказал он. – Или даже отцом Брутой? Впрочем, как мне кажется, это чересчур. Лучше этого избежать. Думаю, нам следует сделать все возможное, чтобы ты как можно скорее стал поддьяконом Брутой. Твое мнение?

У Бруты не было никакого мнения. Он лишь смутно понимал, что сейчас обсуждается его продвижение по службе, но разум словно отключился.

– Впрочем, достаточно об этом, – промолвил Ворбис с легким раздражением человека, понимающего, что основная часть работы в этом разговоре ложится на его плечи. – Узнаешь ли ты просвещенных отцов, что сидят слева и справа от меня?

Брута покачал головой.

– Прекрасно. У них имеются к тебе кое-какие вопросы.

Брута кивнул.

Толстяк слегка наклонился вперед.

– У тебя есть язык, мальчик?

Брута кивнул, потом, вдруг подумав, что этого недостаточно, предъявил свой язык для осмотра.

Ворбис предостерегающе положил ладонь на руку толстяка.

– Очевидно, наш молодой друг пребывает в благоговейном страхе, – мягко пояснил он и улыбнулся юноше. – Но, Брута, отбрось свой страх, прошу тебя, я хочу задать тебе несколько вопросов. Понимаешь меня?

Брута кивнул.

– Перед тем как тебя сюда привели, несколько секунд ты находился в приемной. Опиши ее.

Брута тупо смотрел на него. Но турбины памяти уже пришли в движение без всякого его участия, и в переднюю часть мозга потоком хлынули слова.

– Комната примерно три квадратных метра. С белыми стенами. Пол усыпан песком, только в углу у двери видны каменные плиты. На противоположной стене окно, на высоте примерно двух метров. На окне – решетка из трех прутьев. Табурет на трех ногах. Святая икона пророка Урна на стене, вырезана из афации, с серебряным окладом. На нижнем левом углу рамы – царापина. Под окном на стене – полка. На полке ничего нет, кроме подноса.

Ворбис скрестил длинные пальцы под орлиным носом.

– А на подносе? – спросил он.

– Прошу прощения, господин?

– Что было на подносе, сын мой?

Изображения закрутились перед глазами Бруты.

– На подносе был наперсток. Бронзовый наперсток. И две иголки. Тонкий шнур с узлами. С тремя узлами. А еще на подносе лежали девять монет. Серебряная чаша с узором из листьев афации. Длинный кинжал. Стальной, как мне кажется, с черной рукояткой, семигранный. Клочок черной ткани. Перо и грифельная доска...

– Опиши монеты, – пробормотал Ворбис.

– Три из них были цитадельскими центами, – не задумываясь ответил Брута. – Две с рогами, одна с короной о семи зубцах. Четыре монеты – очень маленькие и золотые. На них была надпись, которая... Ее я прочитать не могу, но, если мне дадут перо и пергамент, думаю, я мог бы попробовать...

– Это какая-то шутка? – спросил толстяк.

– Уверю, – произнес Ворбис, – мальчик имел возможность видеть комнату не более секунды. А другие монеты, Брута? Расскажи нам о них.

– Другие монеты были большими. Бронзовыми. То были эфебские дерехмы.

– Откуда ты знаешь? Они достаточно редки в Цитадели.

– Я видел их однажды, о господин.

– И когда же?

Лицо Бруты исказилось от напряжения.

– Я не совсем уверен... – наконец выдавил он.

Толстяк торжествующе посмотрел на Ворбиса.

– Ха!

– Кажется... – сказал Брута. – Кажется, это было днем... или утром. Скорее всего, около полудня. Третьего грюня в год Изумленного Жука. В нашу деревню пришли торговцы и...

– Сколько лет тебе тогда было? – перебил Ворбис.

– Три года без одного месяца, господин.

– Этого не может быть! – воскликнул толстяк.

Брута пару раз открыл и закрыл рот. Почему этот толстяк так говорит? Его же там не было!

– А ты не ошибаешься, сын мой? – уточнил Ворбис. – Сейчас ты почти взрослый человек... Семнадцати, восемнадцати лет? Вряд ли ты мог настолько четко запомнить чужеземную монету, которую видел мимолетно целых пятнадцать лет назад.

– Нам кажется, ты все это придумываешь, – подтвердил толстяк.

Брута промолчал. Зачем что-то придумывать, если все находится в голове?

– Неужели ты помнишь все, что когда-либо с тобой происходило? – спросил коренастый мужчина, внимательно наблюдавший за Брутой во время разговора.

Брута был рад его вмешательству.

– Нет, господин, не все. Но почти.

– Ты что-то забываешь?

– Э... Да. Кое-что я никак не могу вспомнить...

Брута слышал о забывчивости, но с трудом представлял, что это такое. Однако в его жизни случались моменты – особенно это касалось самых первых ее лет, – когда не было... ничего. Однако это не память стерлась, нет, то были огромные запертые комнаты в особняке, построенном сплошь из воспоминаний. События не были забыты, ибо в таком случае запертые комнаты сразу прекратили бы свое существование, просто эти комнаты кто-то... запер.

– Расскажи нам о своем самом раннем воспоминании, сын мой, – ласково попросил Ворбис.

– Я увидел яркий свет, а потом кто-то меня шлепнул, – ответил Брута.

Все трое тупо уставились на него. Обменялись взглядами. Сквозь мучительный страх до сознания Бруты донеслись отрывки ведущегося шепотом обсуждения.

– ...А что мы теряем?.. Безрассудство, возможно, это все происки демонов... Но ставки слишком высоки... Любая случайность, и мы пропали...

И так далее.

Брута оглядел комнату.

Обстановке в Цитадели никогда не придавали особого значения. Полки, табуреты, столы... Среди послушников ходили слухи, что у жрецов, занимавших в иерархии высшие посты, мебель вся сделана из золота, но в этой комнате Брута ничего подобного не обнаружил. Обстановка была такой же строгой и простой, как и в комнатах послушников, хотя строгость эта была... более пышной, если можно так выразиться. Здесь царила не вынужденная скудность, а скорее умышленная пустоватость.

– Сын мой?

Брута поспешно повернулся.

Ворбис посмотрел на своих коллег. Коренастый кивнул. Толстяк пожал плечами.

– Брута, – сказал Ворбис, – возвращайся к себе в опочивальню. Перед твоим уходом слуга даст тебе поесть и попить. Завтра на рассвете явишься к Вратам Рогов, ты отправляешься со мной в Эфеб. Ты что-нибудь слышал о делегации в Эфеб?

Брута покачал головой.

– Возможно, ты и не должен был о ней слышать, – кивнул Ворбис. – Мы едем туда, чтобы обсудить с тамошним тираном кое-какие политические вопросы. Понимаешь?

Брута снова покачал головой.

– Хорошо, очень хорошо. Кстати, Брута?..

– Да, господин?

– Об этой встрече ты должен забыть. Ты никогда не был в этой комнате. И нас здесь не видел.

Брута в изумлении уставился на Ворбиса. Ерунда какая-то... Нельзя же захотеть – и забыть! Некоторые вещи забываются сами – ну, те, что хранятся в запертых комнатах, – но это происходит по воле какого-то непонятого для него механизма. Что имел в виду этот человек?

– Хорошо, господин, – послушно откликнулся Брута.

Ему показалось, что так будет проще.

Богам не к кому обратиться за помощью, и, если ты сам бог, никому ты не помолишься.

Вытянув шею и торопливо перебирая неуклюжими лапками, Великий Бог Ом мчался к ближайшей статуе. Статуя оказалась им самим, только в виде топчущего безбожника быка, но это не утешало.

В любое мгновение орел мог прекратить кружиться и камнем пасть на жертву.

Ом был черепахой всего три года, но вместе с формой унаследовал целый мешок инстинктов, большинство из которых крутились вокруг ужасного страха перед существом, нашедшим способ обедать черепахами.

Богам не к кому обратиться за помощью.

Ом никогда не думал, что окажется в подобной ситуации.

Но каждое живое существо порой нуждается в дружеской поддержке.

– Брута!

Брута был не слишком уверен в своем ближайшем будущем. Дьякон Ворбис явно отстранил его от занятий, а поэтому занять остаток дня было абсолютно нечем.

Тогда Брута снова устремился к саду. Пора было подвязывать бобы, и этот факт он воспринимал с радостью. С бобами он чувствовал себя уверенно. Они не отдавали невыполнимых приказаний, типа «а ну забудь!». Кроме того, если ему придется куда-то там уехать, прежде нужно доокучить дыни и растолковать кое-что Лю-Цзе.

Лю-Цзе был неотъемлемой частью сада.

Подобный человек есть в каждой организации. Он может подметать мрачные длинные коридоры, бродить среди полок на магазинных складах (и только такой человек знает, где что находится) или состоять в неоднозначных, но крайне важных и запутанных отношениях с котельной. Этого человека знают все до единого, ходят слухи, что он работал здесь всегда. А еще никто не имеет ни малейшего представления, куда подобные люди деваются, когда их нет там... ну, там, где они обычно находятся. Лишь иногда тот, кто понаблюдательнее всех прочих (научиться наблюдательности совсем не так трудно, как говорят), вдруг останавливается и задумывается о странном работнике... чтобы в следующее мгновение заняться чем-нибудь другим.

Лю-Цзе плавно передвигался из сада в сад вокруг всей Цитадели – и при этом он практически не интересовался растениями, что было, мягко говоря, необычным. Он занимался почвой, навозом, перегноем, компостом, глиной, песком и пылью, а также средствами их перемещения с места на место. Обычно он работал метлой или ворочал кучи. Но как только кто-то сажал в одну из вышеперечисленных субстанций семена, Лю-Цзе мигом терял к ней всякий интерес.

Когда появился Брута, Лю-Цзе разравнивал дорожки граблями. У него это получалось очень и очень неплохо. После Лю-Цзе оставалась рубчатая поверхность и плавные мягкие повороты. Брута всегда чувствовал себя чуть-чуть виноватым, шагая по такой дорожке.

Они с Лю-Цзе почти не общались, потому что от слов тут ничего не зависело. Старик лишь кивал и улыбался однозубой улыбкой.

– Я на какое-то время уеду, – громко и отчетливо произнес Брута. – Наверное, в сад пришлют кого-нибудь другого, но кое-что тут нужно обязательно сделать...

Кивок, улыбка. Старик терпеливо шел следом по грядкам, пока Брута объяснял ему насчет бобов и овощей.

– Ты понял? – спросил он после десяти минут сплошных объяснений.

Кивок, улыбка. Кивок, улыбка, манящий жест.

– Что?

Кивок, улыбка, манящий жест. Кивок, улыбка, манящий жест, улыбка.

Лю-Цзе боком продвигался в дальний конец обнесенного стеной сада, где хранились его любимые компостные кучи, груды цветочных горшков и другие косметические садовые средства. Как подозревал Брута, старик и спал здесь же.

Кивок, улыбка, манящий жест.

Рядом с вязанкой из бобовых стеблей стоял небольшой столик.

Он был застелен соломенной циновкой, на которой стояли с полдюжины остроконечных камней, каждый высотой не более фута.

Вокруг камней через равные промежутки были установлены палочки. Тонкие щепочки заслоняли от солнца одни участки, тогда как маленькие зеркала отбрасывали солнечный свет на другие. Размещенные под разными углами бумажные конусы направляли ветер в определенные точки.

Брута никогда не слышал об искусстве бонсай, особенно применительно к камням.

– Они... Очень красиво, – неуверенно произнес он.

Кивок, улыбка, маленький камень в руке, улыбка, возьми, возьми.

- Не, я не могу принять...

Возьми, возьми. Ухмылка, кивок.

Брута взял крошечный камень, похожий на небольшую гору. Он обладал странной, нереальной тяжестью – рука ощущала вес в фунт или около этого, а мозг фиксировал тысячи очень, очень маленьких тонн.

- Э... Спасибо. Большое спасибо.

Кивок, улыбка, ласковый толчок в спину.

- Камень... он как гора, только небольшая.

Кивок, ухмылка.

- Это что такое у него на верхушке? Неужели настоящий снег? Но...

- Брута!

Голова дернулась вверх, однако голос раздавался внутри ее.

«О нет!» – Брута почувствовал себя несчастным.

Он вернул маленькую гору Лю-Цзе.

- Прибереги ее для меня, ладно?

- Брута!

«Нет, нет, все это было сном... Который приснился мне перед тем, как я стал влиятельным и разговаривал с дьяконами».

- Какой, к черту, сон?! Помоги мне!

Когда орел пролетел над Местом Сетований, молящиеся бросились врассыпную.

Он описал круг всего в нескольких футах над землей и сел на статую Великого Ома, Топчущего Безбожников.

Птица была великолепной, золотисто-коричневой и с желтыми глазами, взирающими на толпу с явным пренебрежением.

- Это знамение? - спросил старик с деревянной ногой.

- Да! Знамение! - воскликнула стоявшая рядом девушка.

- Знамение!

Вокруг статуи собралась толпа.

- Сволочь это, а не знамение, - донесся откуда-то из-под ног слабый голосок, которого никто не услышал.

- Но знамение чего? - спросил пожилой мужчина, проживший на площади уже три дня.

- Что значит чего? Это знамение! - воскликнул старик с деревянной ногой. - Это не должно быть знамением чего-либо. Очень подозрительный вопрос, спрашивать, чего именно это знамение...

- Но это должно что-то знаменовать, - возразил пожилой. - Знамение обязано к чему-то относиться. Знамение чего-то. Кого, чего. Этот, как его, рождающий падёж.

У края толпы появилась костлявая фигура, двигавшаяся словно незаметно, но с поразительной скоростью. Она была одета в джелибу пустынных племен, но несла на ремне лоток. Лоток содержал нечто зловещее, смахивающее на липкие сласти, покрытые пылью.

- А может, это посланец от самого Великого Бога?! - воскликнула девушка.

– Это просто долбаный орел, – раздался полный безнадежности голос откуда-то из-под бронзовых трупов, раскиданных у подножия статуи.

– Финики? Фиги? Шербет? Святые мощи? Чудесные свежие индульгенции? Ящерицы? Леденцы-напалочники? – с надеждой в голосе вопрошал торговец с лотком.

– А я думал, Он явится в мир в образе лебедя или быка, – произнес старик с деревянной ногой.

– Ха! – раздался проигнорированный всеми возглас черепашки.

– А вот я насчет этого всегда сомневался, – сказал молодой послушник, переминающийся в задних рядах толпы. – Эти лебеди... Им как-то не хватает... мужественности, что ли?

– А может, это тебе не хватает быть забитым камнями за богохульство? – горячо парировала девушка. – Великий Бог слышит каждое произнесенное тобой непочтительное слово!

– Ха! – раздалось из-под статуи.

Торговец с лотком протиснулся чуть дальше.

– Клатчская Услада? Осы в меде? Хватайте, пока холодненькие! – продолжал разоряться он.

– Хотя здесь есть свой смысл... – произнес пожилой мужчина занудным, надоедливym голосом. – Есть в орле что-то божественное. Он ведь царь птиц!

– Тот же индюк, только чуть покрасивше, – произнес голос из-под статуи. – И мозг размером с орех.

– Очень благородная птица, этот орел, – произнес пожилой. – К тому же умная. Интересный факт: только орлы додумались до того, как можно съесть черепаху. И знаете, что они делают? Хватают ее, поднимают на огромную высоту и бросают на камни. Панцирь разлетается вдребезги. Поразительно!

– В один прекрасный день, – раздался из-под статуи мрачный голос, – когда я снова буду в форме, я вернусь, и ты пожалеешь о своих словах. О, ты будешь долго жалеть. Специально ради этого я даже создам еще одно Время, чтоб ты у меня вволю нажалелся. Или... нет, я превращу в черепаху тебя. Посмотрим, как тебе это понравится. Свистящий вокруг панциря ветер, приближающаяся с каждым мгновением земля... То-то ты поразишься!

– Как отвратительно, – нахмурилась девушка, глядя орлу прямо в глаза. – Бедная черепашка, интересно, что первым приходит в голову, когда тебя сбросят с такой ужасной высоты?

– Ваш панцирь, госпожа, – ответил Великий Бог Ом, стараясь забиться под бронзовый выступ.

Человек с лотком выглядел удрученным.

– Знаете что? – спросил он. – Два пакета засахаренных фиников по цене одного. Ну, что скажете? Учтите, только ради вас, я, можно сказать, руку себе отрубая.

Девушка взглянула на лоток.

– Да у тебе там все в мухах!

– Ошибаетесь, госпожа, это смуродина.

– Так почему же она разлетается? – не сдавалась девушка.

Торговец опустил взгляд и тут же вновь вскинул глаза на девушку.

– О чудо! Свершилось чудо! – воскликнул он, взмахнув руками. – Воистину грядет время чудес!

Орел нетерпеливо переступил с лапы на лапу.

В людях он видел лишь движущиеся предметы пейзажа, которые в сезон выпаса овец могли ассоциироваться с метко брошенными камнями, когда он пытался

стащить новорожденного ягненка, и которые в других ситуациях были такими же незначительными, как те же кусты и скалы. Но он никогда не подлетал настолько близко к такому количеству людей. Его свирепый взгляд беспрестанно скользил из стороны в сторону.

В этот момент у дворца взревели трубы.

Орел дико заозирался, крошечный мозг хищника не справлялся с резкой перегрузкой.

Взмахнув крыльями, орел сорвался со статуи. Верующие, отпихивая друг друга, бросились врассыпную, когда он опустился почти до каменных плит, а потом величественно поднялся к башням Великого Храма и раскаленному солнцем небу.

В очередной раз не устояв перед дыханием Великого Бога (во всяком случае, жрецы уверяли, что роль привратника исполняет сам Ом), бронзовые двери Великого Храма, каждая весом в сорок тонн, распахнулись – тяжеломерно, но абсолютно бесшумно. Со спецэффектами здесь все было в порядке.

Огромные сандалии Бруты шлепали и шлепали по каменным плитам.

Бег всегда давался Бруте с огромным трудом: колени практически не работали, зато стопы молотили по земле, словно гребные колеса.

Нет, это уже слишком. Сначала какая-то черепаха заявляет, что она – Великий Бог, чушь несусветная, но откуда этой рептилии столько известно?.. Потом Бруту допрашивает святая квизиция. Ну, или не совсем допрашивает. В любом случае все прошло не так болезненно, как он мог предполагать.

– Брута!

На площади, обычно заполненной шепотом тысяч и тысяч молящихся, царила тишина. Все паломники повернулись лицом к храму.

Брута, мозг которого уже закипал от такого количества разных событий, упорно протискивался сквозь внезапно замолкшую толпу...

- Брута!

У каждого человека имеется амортизатор реальности.

Хорошо известен тот факт, что девять десятых человеческого мозга никак не используются, но, как и большинство хорошо известных фактов, данное утверждение совершенно не соответствует действительности. Даже самый тупой Создатель не стал бы утруждать себя и набивать голову человека несколькими фунтами серой каши, единственным предназначением которой было бы, к примеру, служить деликатесом для туземцев, населяющих всяческие затерянные долины. Нет, мозг используется весь. И одной из его функций является превращение чудесного в обыденное и необычного в обычное.

Иначе при виде всех тех чудес, которыми так насыщена повседневная жизнь, люди вечно ходили бы с идиотскими улыбочками на лицах – скалясь, словно те самые туземцы, на которых власти иногда устраивают облавы с целью скрупулезной проверки содержимого их пластиковых теплиц. Люди часто восклицали бы «Вау!». И никто бы не работал.

Богам очень не нравится, когда люди не работают. Люди должны быть постоянно чем-то заняты, в противном случае они могут начать думать.

Якобы недействующая часть мозга существует только для того, чтобы оградить людей от ненужных мыслей. И действует она весьма эффективно. Она способна заставить человека испытать неподдельную скуку при виде самого настоящего чуда.

Как раз сейчас вовсю работала именно эта часть мозга Бруты.

Поэтому он не сразу заметил, что уже протиснулся сквозь последние ряды людей и выбежал на середину широкого прохода... Однако тут его угораздило оглянуться, и он узрел приближающуюся процессию.

Проведя вечернюю службу, вернее покивав на ней, пока капеллан проводил эту службу за него, – в общем, после долгих и тяжелых трудов сенобиарх возвращался в свои апартаменты.

Брута крутнулся на месте в поисках путей бегства. Но тут рядом раздался чей-то кашель, и он узрел разъяренные лица пары младших иамов, а затем несколько изумленное и по-стариковски благожелательное лицо самого сенобиарха.

Старик автоматически поднял руку, чтобы благословить Бруту знаком святых рогов, однако не успел, поскольку двое божественных легионеров со второй попытки подняли послушника под локти, убрали с пути процессии и зашвырнули в толпу.

– Брута!

Брута перебежал через площадь к статуе и прислонился к бронзе, с трудом переводя дыхание.

– Я попаду в ад, – пробормотал он. – На веки вечные.

– Да всем плевать на это. А теперь... унеси меня отсюда!

Сейчас на него никто не обращал ни малейшего внимания. Все наблюдали за процессией. Одно наблюдение за ней считалось святым деянием. Брута опустился на колени и заглянул под фигуры, разбросанные у основания статуи.

Оттуда на Бруту уставился единственный глаз-бусинка.

– Как ты сюда забрался?

– Был хороший стимул, – ответила черепашка. – Клянусь чем угодно, когда я обрету былую форму, орлы подвергнутся значительной реконструкции.

– А что собирался сделать с тобой орел?

– Унести в гнездо и угостить там обедом, – огрызнулась черепашка. – А по-твоему, что он собирался сделать?

Черепашка замолчала, поняв тщетность использования сарказма в присутствии Бруты. С таким же успехом можно было попытаться сокрушить крепостную стену меренгами.

- Он хотел меня съесть, - терпеливо пояснила она.

- Но ты же - черепаха!

- Я - твой Бог!

- Но в виде черепахи, по крайней мере в настоящее время. Я имею в виду, ну, у тебя есть панцирь и всякое такое...

- Панцирь орлов не останавливает, - мрачно произнесла черепашка. - Они хватают тебя, поднимают на несколько сотен футов, а потом... отпускают.

- Бр-р-р.

- Нет. Больше похоже на... хрусть-шлеп. А ты думаешь, каким образом я здесь оказался?

- Тебя сбросили? Но...

- Я приземлился на кучу дерьма в твоём саду. Вот они, ваши хваленые умные орлы. Все вокруг построено из камня, на камне и вымощено камнем, а они промахиваются.

- Повезло тебе. Один шанс из миллиона, - сказал Брута.

- Будучи быком, я никогда не испытывал подобных неудобств. Орлов, способных поднять быка, можно пересчитать по пальцам на одной голове. Кстати, есть твари и похуже орлов, это...

- Знаешь, а они очень вкусные, - произнес чей-то голос за спиной Бруты.

Брута мигом вскочил на ноги - с виноватым видом и черепашкой в руке.

– А, здравствуйте, господин Достаб.

Все в городе знали Себе-Рубли-Руку Достаба – поставщика подозрительно свежих святых мощей, подозрительно несвежих прогорклых леденцов на палочках, начиненных песком фиников и других давно просроченных продуктов. Он в некотором роде представлял собой стихийную силу, вроде ветра. Никто не знал, откуда он приходит и куда уходит на ночь. Но на рассвете он уже был на месте и всю продавал липкие сласти паломникам. Большинство паломников появлялись в городе впервые, и у них не было самого необходимого для общения с Достабом, а именно – опыта предыдущих встреч с ним. Здесь, на площади, нередко можно было увидеть паломника, пытающегося с достоинством расклеить челюсти. Впрочем, жрецы торговлю Достаба только поощряли. Многие наиболее фанатичные паломники, проделав полный опасный путь в тысячу миль, были вынуждены подавать прошения на языке жестов.

– Прекрасный получится суп. Не хочешь ли прикупить на десерт шербета? – с надеждой в голосе спросил Достаб. – Всего один цент за склянку, и учти: это только ради тебя – я, можно сказать, руку себе отрубая...

– А это что за дурак? – поинтересовался Ом.

– Я вовсе не собираюсь ее есть, – торопливо произнес Брута.

– Что, хочешь обучить ее каким-нибудь фокусам? – ухмыльнулся Достаб. – Рискованные переползания через горячий обруч и всякое такое?

– Избавься от него, – велел Ом. – Тресни по башке, а труп спрячь за статуей.

– Заткнись, – огрызнулся Брута, снова начиная испытывать некоторые неудобства от разговора с тем, кого никто больше не слышит.

– А вот грубить не надо, – обиженно произнес Достаб.

– Это я не тебе, – пояснил Брута.

– А кому? Черепахе? – язвительно спросил Достаб.

Брута выглядел виноватым.

– Моя старуха-мать тоже иногда разговаривала с гербилом, – продолжал Достаб. – Домашние животные прекрасно снимают стрессы. Ну и чувство голода, разумеется.

– Этот человек врет, – вмешался Ом. – Я могу читать его мысли.

– Можешь?

– Что могу? – переспросил Достаб и косо посмотрел на Бруту. – А если ты даже и не съешь ее, будет чем занять время. Ехать-то долго.

– Ехать куда?

– В Эфеб. С тайной миссией. Будут какие-то переговоры с безбожниками.

В принципе, Брута ничему не удивился. В замкнутом мирке Цитадели новости распространялись, как лесной пожар после засухи.

– А, – безразлично откликнулся он. – Ты об этом.

– Говорят, сам Б'ей Реж едет, – добавил Достаб. – И еще этот, как его, сирий кардинал.

– Дьякон Ворбис – очень милый человек, – возразил Брута. – Он был очень добр ко мне, даже попить дал.

– Не может быть... Впрочем, это не важно. Лично я против него ничего не имею, – поспешил заверить юношу Достаб.

– Почему ты до сих пор разговариваешь с этим идиотом? – влез Ом.

– Он... мой друг, – ответил Брута.

– Жаль, у меня нет такого друга, – мечтательно промолвил Достаб, посчитав, что слова были обращены к нему. – С такими друзьями врагов у тебя просто не будет. Может, ты возьмешь кишмиш в сахаре? Или леденцов-напалочников?

В опочивальне Бруты спали еще двадцать три послушника – поскольку иерархи церкви придерживались твердого убеждения, что отдельные опочивальни поощряют греховность. Человеку неискушенному данное утверждение могло показаться весьма и весьма спорным, потому что, если как следует поразмыслить, самые разнообразные грехи более присущи как раз компании. Однако эти самые размышления и считались наипугающим грехом. Люди, предоставленные самим себе, рано или поздно начинают предаваться глубоким раздумьям, тогда как всем известно, что глубокие раздумья приостанавливают рост. И одной из причин такой приостановки является отрубание ваших ног.

Поэтому Брута был вынужден удалиться в сад – под аккомпанемент божественных воплей, доносящихся из его кармана, куда Великий Бог Ом был засунут вместе с мотком шпагата, садовыми ножницами и пригоршней семян.

Наконец Великого Бога вытащили.

– Послушай, – сказал Брута, – пользуясь удобной возможностью, хочу сообщить тебе, что я был избран для выполнения крайне важного задания. Я отправляюсь в Эфеб на переговоры с безбожниками. И меня выбрал сам дьякон Ворбис. Он – мой друг.

– А кто он такой?

– Главный инквизитор. Обеспечивает... надлежащее поклонение тебе.

Ом уловил нерешительность в голосе Бруты и сразу вспомнил решетку. И творившееся под ней...

– Он пытается людей, – холодно заметила черепашка.

– Нет, нет! Этим занимаются инквизиторы. Их можно только пожалеть, потому что, как рассказывал брат Ньюрод, они работают очень много и за низкую плату.

Нет, инквизиторы просто... решают вопросы. Как говорит брат Ньюрод, нет инквизитора, который не мечтал бы стать инквизитором. Вот почему они готовы работать в любое время. Иногда они работают по нескольку дней подряд и даже не спят.

- пытки... - задумчиво пробормотал Великий Бог.

Нет, такой человек, как тот, которого он видел в саду, не станет мारать руки ножом. Предоставит заниматься этим другим людям. У Ворбиса другие методы.

- Они избавляют людей от скверны и ереси, - пояснил Брута.

- Но люди... не всегда... выживают в процессе?

- Это не имеет значения, - убежденно произнес Брута. - То, что происходит с нами в этой жизни, в действительности все это нереально. Да, иногда бывает немножко больно, но это неважно. Зато после смерти ты значительно меньше времени проведешь в преисподней.

- А если инквизиторы ошибаются? - спросила черепашка.

- Они не могут ошибаться, - возразил Брута. - Их направляет рука... твоя рука... твоя передняя нога... вернее, твоя лапка...

Черепашка мигнула единственным глазом. Она вспомнила жар солнца, свою беспомощность и лицо человека, наблюдавшего за происходящим не с жестокостью, нет, куда хуже - с интересом. Кто-то наблюдает за чьей-то смертью только для того, чтобы узнать, сколько времени займет весь процесс. Это лицо Ом никогда не забудет. И разум, стальной сгусток разума.

- И все-таки, предположим, они ошибутся, - продолжала настаивать черепашка.

- Я не слишком силен в теологии, - ответил Брута, - но в завете Урна все объяснено предельно ясно. Эти люди хоть в чем-то да виноваты, иначе ты, в своей мудрости, не направил бы к ним квизицию.

- Правда? - Он продолжал вспоминать то лицо. - Значит, они сами виноваты в том, что их пытаются? И я действительно так сказал?

- «В жизни нас судят по тому, какие мы в смерти...» Урн Третий, глава VI, стих 56. Бабушка рассказывала мне, что после смерти люди предстают перед тобой, и они должны пересечь ужасную пустыню, а ты взвешиваешь их сердца на каких-то весах, - промолвил Брута. - Если сердце человека тяжелее перышка, ты отправляешь грешника в ад.

- Вот те на, - удивилась черепашка, а потом добавила: - Парень, а тебе не приходило в голову, что я не могу заниматься всем этим и одновременно бродить здесь с панцирем на спине?

- Ты можешь делать все, что захочешь, - возразил Брута.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Который приверженцы омнианства упорно называют Полюсом.

2

Безразмерного типа, сорт – с надежными затяжными винтами.

3

Или пожал бы. Если бы был там. Но его не было. Значит, плечами он не пожимал.

4

Чтобы поддержать одного человека, чья голова витает в облаках, требуется целых сорок, твердо стоящих на земле.

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/terri-pratchett/melkie-bogi>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)